

ЖРЕБЬИ ВЕЧНОСТИ

Богдан СУШИНСКИЙ

секретный фарватер

Секретный фарватер (Вече)

Богдан Сушинский
Жребий вечности

«ВЕЧЕ»

2015

Сушинский Б. И.

Жребий вечности / Б. И. Сушинский — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Секретный фарватер (Вече))

Новый военно-приключенческий роман-версия «Жребий вечности» известного писателя, лауреата Международной литературной премии имени Александра Дюма (1993) Богдана Сушинского посвящен событиям последних месяцев Второй мировой войны. В основу романа положены малоизвестные события минувшей войны, связанные с секретными испытаниями немецких ракет Фау и дисколетов («летающих тарелок»), а также с подготовкой двойников для Гитлера и Евы Браун секретной диверсионной службой рейха, возглавляемой любимцем фюрера Отто Скорцени.

© Сушинский Б. И., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	9
3	13
4	16
5	20
6	23
7	26
8	31
9	36
10	41
11	44
12	47
13	51
14	56
15	59
16	65
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Богдан Сушинский

Жребий вечности

© Сушинский Б.И., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Часть первая

*Жизнь каждого из нас – это жребий, брошенный судьбой между
небытием и вечностью.*

Автор

1

Командующий Африканским экспедиционным корпусом возлежал в своем небольшом грязно-песочного цвета шатре и, мерно покачиваясь в подвешенном на металлических треногах гамаке, отрешенно вглядывался в склон пустынного плато.

В открывавшемся через прожженную осколком дыру безжизненном нагорье фельдмаршалу чудилось знамение, которое он вот уже в течение часа пытался разгадать, словно паломник – клинопись на плитах дохристианских святынь. Было в нем нечто библейско-вещное и неотвратимое. Словно здесь, у этого плато, решалась судьба не только намеченного фельдмаршалом сражения, но и исход всей африканской кампании, и даже чего-то более важного.

Впрочем, ничего более важного, нежели эта африканская кампания, для него сейчас не существовало. Как бы ни складывалась в общем итоге эта война для Третьего рейха, о нем, Роммеле, как о полководце будут судить, исходя из итогов этой Африканской войны. Возможно, даже...

Хотя к черту все эти «наверное» и «возможно»! Именно так военные историки и назовут весь этот пустынный бред бога войны – «Африканская война фельдмаршала Роммеля». Выделяя ее при этом из всего того стратегического хаоса, который сотворается сейчас где-то там, в Европе, всеми этими... Гиммлером, Герингом, Манштейном, а также генералами Ольбрихтом, Беком и всеми прочими, засевавшими в штабе Верховного командования вермахта на Бендлерштрассе.

«Это моя армия, – воинственно сжал кулаки фельдмаршал, – моя старая гвардия, мои битвы и мои победы! И никому там, в Берлине, нет дела до того, как сражаются и умирают в африканских песках мои солдаты... А ведь похоже, что там действительно никому нет дела ни до меня, ни до моих солдат. В противном случае все они, включая фюрера... вот именно, включая самого фюрера, не относились бы с таким безразличием к моим просьбам о подкреплении и поставках оружия, к моим рапортам, да и к моим победам, которые тоже уже, очевидно, никому не нужны».

Так, может, оставить войска и прибыть в Берлин, как когда-то после африканской экспедиции прибыл в свой Париж Наполеон Бонапарт? Время, правда, другое. Да и в Париже Наполеона поджидал не фюрер, а фюреру Наполеоны не нужны. Он сам мнит себя Наполеоном. Впрочем, со временем там, в Берлине, их много найдется таких, которые возомнят себя Наполеонами, хотя ни один из них так и не пройдет через ад африканских пустынь.

В последние дни Эрвин Роммель все чаще сознавал, что своим жизненным путем он как бы повторяет путь великого корсиканца. Вот только суждено ему на этой земле нечто большее, нежели Бонапарту. Что именно – он пока что не знал, не решил для себя, не подсмотрел в «книге своего бытия», но суждено. Существует множество людей, у которых есть цель, но которые не осознают ни истинного величия этой цели, ни готовности достичь ее. У Роммеля же все было наоборот: он верил в величие своего призвания и в свою готовность посвятить жизнь достижению цели. Вот только сама эта цель все никак не открывалась ему.

Когда в Сицилии он погружал свои войска на корабли, чтобы идти на Египет, его друзья полушутя и без особой зависти намекали, что ему предстоит свершить то, что не сумел

свершить Наполеон. Что наконец-то нашелся полководец, который сумеет свершить то, что оказалось не под силу самому Бонапарту!

Возможно, фельдмаршал действительно воспринимал бы их намеки как своеобразное предсказание, подбадривание или плохо скрываемую зависть. Но дело в том, что сицилийские шутники в генеральских эполетах прекрасно знали: в Африку Роммеля посылают не для решительных сражений – для этого у командующего корпусом попросту не будет сил, – а для поддержания престижа германской армии и отвлечения на себя значительной части английских войск. И пророчества их оправдались.

Как только началась война с Россией, в штабе вермахта прямо намекнули, что пополнение он сможет получать лишь из тех частей, которые станут выводить на отдых и переформирование с Восточного фронта. Так оно по существу и было. В начале октября 1942 года Роммель, к тому времени уже физически и морально истощенный, вернулся в Германию, чтобы немного подлечиться. Возвращаться в Африку ему не хотелось: куда угодно, только не в эти проклятые пески! Но именно его отсутствие в Ливийской пустыне спровоцировало крупное наступление английских войск на германо-итальянские позиции. Причем на сей раз англичане поставили перед собой совершенно конкретную задачу: вообще уничтожить группировку противника. Замены Роммелю в штабе вермахта найти так и не смогли или не захотели, и к концу октября он уже вновь был в Африке.

Они, эти штабные шутники, прекрасно понимали, какую роль отводят в штабе Верховного командования вермахта корпусу Роммеля, и злорадствовали. Вот именно: злорадствовали!

Да, еще на Сицилии Роммель прекрасно отдавал себе отчет в том, каковыми будут его роль и его участь, но не подавал виду. Его забрасывали в африканские пески, как забрасывают приманку для шакалов. В штабе вермахта и в ставке фюрера жертвовали его корпусом ради победы на европейском театре военных действий. Вот только становиться жертвенным бараном он, фельдмаршал Роммель, не желал.

Лично он вел свой корпус в Африку не для того, чтобы отсиживаться на базах и устраивать маневры с боевыми стрельбами, а чтобы громить врага и, сотрясая своими победами сразу несколько африканских держав, с истинно рыцарским укором одну за другой бросать свои победы к ногам фюрера. И бросал. Роммель умел это делать, у него это получалось.

...После нескольких кровавых схваток его легионеров с англичанами плато вот уже вторую неделю оставалось ничейным. Мертвые были погребены, подбитую технику оттранспортировали вглубь занятой территории, а вспаханная снарядами возвышенность с благословения самого Роммеля получила мрачное название Африканский жертвенник.

Да, жертвенник... Вся эта проклятая пустыня – огромный жертвенник, на который оба полководца время от времени бросают лучшие свои полки. Ибо, кто знает, может быть, и в самом деле так предписано Высшими Силами: кто владеет Египтом, тот владеет миром. «Кто владеет Францией и Египтом, – уточнил Роммель. – Только так: Францией и Египтом!»

«Эта битва – одна из прекраснейших, какие я только видел: от всей высадившейся неприятельской армии не спасся ни один человек», – вспомнились ему слова Наполеона, сказанные в июле 1799-го, после того, как неподалеку от Абукира он разгромил пятнадцатитысячную турецкую армию. Даже не разгромил, а истребил. Всю, до последнего солдата. До последнего!..

Причем он сумел сделать это после погибельного похода на Сирию, после ошеломляющей неудачи под стенами Сен-Жан д'Акра¹ и, наконец, после изнурительного перехода назад, в Египет, во время которого тысячи солдат Бонапарта пали от эпидемии чумы.

¹ Французское название крепости Акр – или, как ее еще называли турки, Акки, сломить турецкий гарнизон которой Наполеон так и не сумел. Считается, что Акр был крайней восточной точкой завоеваний Бонапарта – восточным Рубиконом, перейти который он уже не решился.

А ведь разгром этот совершил полководец, не имевший никакой связи с родиной, не получивший ни одного батальона подкрепления, предоставленный самому себе, поскольку у захваченных им берегов не появлялось ни одного французского паруса! Вот что более всего взбудораживало воображение командующего. Ясное дело, тогда было иное вооружение, иной противник, иная война. И тем не менее...

Фельдмаршал взял лежавшую рядом, на походном столике, флягу, плеснул в рот немного коньяку и, промыв им полость, выплюнул на пол палатки вместе с песком. Он уже не раз говорил себе и своим генералам, что нельзя воевать, нельзя побеждать в пустыне, не возлюбив ее жары и ее песка. Однако сам он возлюбил их так и не сподобился. Вот и сейчас, даже после ополаскивания, он не ощущал во рту ничего, кроме наждачной рези горячего сухого песка. Кому нужна земля, на которой даже прекрасный французский коньяк воспринимается как потерявшее вкус пойло ошалевшего от многодневного караванного однообразия бедуина?!

Роммель помнил, что после победы под Абукиром Наполеон вернулся во Францию, имея под своим командованием всего-навсего пятьсот солдат. «Неужели только пятьсот?! – в который раз усомнился генерал-фельдмаршал в правдолюбии историков. – А ведь многие генералы вообще не решились бы возвращаться с такими жалкими остатками своего воинства и предпочли бы свести счеты с жизнью». Хотя... именно поэтому о них не творят таких легенд, какие вот уже в течение полутора веков мы творим о Бонапарте. Жизнь – это не только порывы судьбы, но и не менее благородные порывы риска. Что такое жизнь Наполеона, как не одна огромная, под сюжет прекрасного романа сотканная, авантюра?

...Да, после африканского похода у Бонапарта оставалось всего лишь пятьсот солдат. Но это не помешало ему вернуться в ореоле славы, возродить доверие французского генералитета и народа; не помешало отстранить от власти Директорию, чтобы затем, подчинив себе всю французскую армию, разогнать Совет старейшин и в конечном итоге стать императором Франции. Императором, черт возьми!

«Вернуться из Египта, имея всего пятьсот солдат?! За этим дело не станет, – саркастически заверил себя фельдмаршал. – Если так пойдет и дальше, тебе придется возвращаться в Германию, не имея под своим командованием даже роты почетного караула. Или хотя бы взвода, который бы расстрелял тебя по приговору военного трибунала». Принимать смерть от пуль своих собственных, прошедших с ним через африканское чистилище солдат Роммелю казалось не столь унижительным, как принимать ее от пуль каких-то там тыловых жироедов.

«...А ведь армия любит тебя не меньше, чем любила Наполеона, – сказал себе Роммель. – Факт, с коим придется считаться всем историкам, независимо от того, как они будут относиться к твоему Африканскому походу, который войдет – собственно, уже вошел – в историю Германии, Египта, Ливии, в мировую историю войн».

Эрвин Роммель осознавал, что и сам еще не проникся важностью происходящего здесь, на Африканском жертвеннике. Хотя, обращаясь к египетским запискам Наполеона, томик которых ему подарили на Сицилии, он порой священнодействовал над ними с той же надеждой, с какой священнодействовал над географической картой Северной Африки. И все чаще рядом самолюбия пронизывала мысль: «А ведь Наполеон вернулся во Францию триумфатором. Хотелось бы знать в этой связи, кем вернешься в Германию ты? А главное, вернешься ли?!»

2

Когда Отто Скорцени и Вернер Браун вошли на небольшую галерею, некогда служившую епископу ложей-исповедальней, трое «сатанистов-чернокнижников» из института «Ане-нербе» уже сидели посреди готического зала часовни крестоносцев, медиумно уткнувшись взглядами в фолиант тибетско-арийской тайнописи, почитавшийся у них в роли «Арийской библии», на котором благоговейно покоились ритуальный арийский меч и идеально-арийский череп.

Отделенные от зала специальным стеклом, за которым видеть их «чернокнижники» не могли, обер-диверсант рейха Скорцени и Ракетный Барон фон Браун молча переглянулись и перевели взгляд на генсека общества «Наследие предков» штандартенфюрера Вольфрама Зиверса.

– Прямо перед нами – магистр оккультных наук, чернопосвященная Мария Воттэ², – едва слышно проговорил Зиверс, хотя исповедальня была устроена таким образом, что низкими сводами ее звуки поглощались еще при своем зарождении. Не менее звукоубийственным представало и массивное богемское стекло. – Она – ведущий контактер в сеансе с богами или Высшими Неизвестными. Ее еще называют у нас Неземной Марией.

– Что, в общем-то, правильно, – заметил барон фон Браун. – Удивительная личность. В вопросе о создании оружия возмездия, многое сейчас зависит от Марии. Ей бы еще получить диплом Высшей технической школы...

– Вряд ли это уже возможно, – заметил штандартенфюрер Зиверс. – Но в ходе общения с вами, господин барон, и маркграфом³ Германом Шернером она уже многое почерпнула. По крайней мере, теперь она уже улавливает смысл того, о чем с ней решаются говорить потусторонние боголюди. Кстати, двое ассистирующих ей медиумов тоже являются обладателями «оккультных ключей» к тайнам предков, но они лишь усиливают священное поле связи с Внешним Разумом. Как только им откроется канал космической энергии...

– Нельзя ли как-нибудь попроще, Зиверс? – проворчал обер-диверсант. – Что за ведьмовство у них там происходит?

– Вот именно... Госпожа Воттэ уже вошла в контакт? – уточнил фон Браун, которому и раньше приходилось присутствовать при подобных сеансах.

– Должна была войти. Или, по крайней мере, близка к нему. Во всяком случае, она уже в состоянии транса. В подземелье, прямо под столом, за которым они сидят, располагаются консультанты-дешифровщики, – объяснял Зиверс, уже склоняясь над Скорцени, ибо Ракетному Барону сие было известно. – Каждое произнесенное Марией слово записывается на магнитофоны.

– Но только – произнесенное Марией? Слышать того, о чем решились поведать ей некие боголюди, мы не можем?

– К сожалению, нам этого пока что не дано. Приходится верить контактеру на слово. А это всегда чревато проявлениями шарлатанства.

– Это относится и к Марии? – насторожился Скорцени.

– К Марии это не относится, – отчеканил Ракетный Барон. – Проверено. Она сообщает нам о таких технических новинках, знать о которых не могла и сути которых не понимает.

² Исторический факт. Мария Воттэ считалась самым сильным медиумом-контактером среди своих коллег по обществу «Наследие предков». По одной из версий, именно ей, во время сеанса связи с Внешним Разумом, удалось получить кое-какие сведения, раскрывающие секрет двигателя летающей тарелки (в те времена она называлась летающим диском).

³ Титулами маркграфов наделялись те аристократы, которые, уже имея графский титул, были владельцами больших территорий (марок), как правило, пограничных. И в их обязанности входили охрана и оборона рубежей королевства; таким образом, они пребывали на королевской службе.

– Хоть кому-то в этой стране можно доверять, – проворчал Скорцени. – Это я говорю под впечатлением от совещания в штабе Гиммлера, после докладов некоторых наших СС-генералов. Не говоря уже о генералах вермахта.

– Давайте не будем отвлекаться, господа, – одернул их обоих штандартенфюрер Зиверс. – Итак, повторюсь, все молвленное в состоянии транса Неземной Марией остается на магнитоленте и звучит в наушниках дешифровщиков. В ваших наушниках оно тоже будет звучать. Так что поскорее наденьте их, время уходит.

Скорцени взял наушники, повертел в руках, но прежде чем водрузить их на голову, поинтересовался:

– Консультант доктор Шернер уже в подземелье? – и при этом искоса взглянул на Ракетного Барона, в ведомстве которого Герман Шернер, специалист по летающим дискам, трудился.

– Он прибыл первым, – ответил Зиверс, – и долго беседовал с Неземной Марией. Пытался объяснить, что именно ему нужно, о чем она должна спрашивать Внешний Разум, который всегда крайне неохотно вступает в контакт, если речь идет о технических новинках, особенно о новинках оружейных.

– Считаете, что госпожа Воттэ поняла, о чем ей должны поведать?

– Судя по тому, сколь обстоятельно изложила она затем смысл своего задания, – да. Кстати, попутно Воттэ обнаружила, что у конструктора Шернера – сильное и хорошо защищенное биополе, мощная контактная энергетика и все задатки контактера.

– Она так и заявила? – раздраженно уточнил Браун.

– Именно так, господин барон. Мало того, она находит, что доктор Герман давно связан с Внешним Разумом и обладает своим собственным каналом выхода в астральные миры и застывшие в неизгладимой вечности былые времена.

Выслушав все это, творец Фау резко передернул плечами, как делал это всякий раз, когда пытался выразить свое крайнее раздражение. При этом лицо молодого саксонского аристократа становилось высокомерно непроницаемым, как посмертная маска иезуита.

Скорцени догадывался, что в эти минуты в душе научно-технического директора исследовательского центра «Пенемюнде» доктора Брауна сходятся два мощных, эмоционально-чувственных вихря. Два нервно-взрывчатых торнадо. Один из них питался самодовольным осознанием того, что молодой гений, доктор Шернер, все же оказался в его центре и под его руководством; а второй – болезненной убежденностью в том, что именно творец дисколетов Шернер постепенно затмевает его собственную популярность, его доселе неоспоримый талант.

– Почему же в таком случае Шернер сам не пользуется дарованным ему астральным каналом? – не сумел скрыть иронии Ракетный Барон.

– А кто сказал, что не пользуется? Конечно же, пользуется. Иное дело, что он этого не осознает. Я бы даже усложнил вопрос, объяснив, что на самом деле Внешний Разум использует его для воплощения отдельных проектов развития человеческой цивилизации.

– Ну, это одна из версий, – обронил Скорцени, исключительно из солидарности с Брауном, чтобы как-то поддержать его.

– Одна из теперь уже вполне доказанных версий, – возразил руководитель Института прикладных военных исследований общества «Аненербе». Амбиции Ракетного Барона в данном случае его совершенно не интересовали. Внешний Разум использует Шернера, как всякого иного гения, независимо от того, в какой бы области знаний он ни проявлял себя.

– То есть вы хотите сказать, что это иной уровень контактов? – вновь вклинился в их разговор Скорцени.

– Совершенно верно. При этом существует определенное табу: такой человек не может быть чистым, классическим медиумом. То есть он не может публично выходить на связь с Высшими Неизвестными, чтобы передавать эти знания другим, как это делает Мария Воттэ. «Идеальный контактер», как правило, лишен созидательного начала, лишен творческого гения.

Он – всего лишь гонец, которому поручено вручить папирус древности кому-то из современников. Извините, но тут уж или – или, у каждого свое высшее предназначение.

Браун порывался каким-то образом возразить или что-то уточнить, однако Зиверс бесцеремонно прервал его.

– Вот он, смотрите! – почти прокричал он, впиваясь одной рукой в плечо Ракетного Барона, другой – в плечо личного агента фюрера по особым поручениям. – Наушники, быстро наушники! Жребий вечности брошен!

Еще не понимая, о чем идет речь, Скорцени буквально приник лицом к стеклу и увидел, как над треугольным столом, за которым восседала Неземная Мария со своими ассистентами, завис какой-то небольшой, излучающий лунно-серебристый свет, диск.

Слегка покачиваясь, этот таинственный жребий величиной не больше человеческой ладони вдруг начал источать какую-то странную мелодию, слегка напоминающую органную фугу, наполняя при этом сумеречность древней часовни ариев-крестоносцев едва улавливаемым, поднебесно-ангельским пением.

Резко покачав головой, словно пытаясь вырваться из власти какого-то жутковатого видения, штурмбаннфюрер оглянулся на Брауна, затем на Зиверса, но они точно так же прильнули к стеклу, как и он.

– Что это за чертовщина? – не выдержал в конце концов обер-диверсант. – Может мне кто-нибудь объяснить?

– Нам так и не удалось установить, что это за штукавина, которая досталась нам в наследство от тибетского ламы, известного у нас под прозвищем Человек в зеленых перчатках⁴, – откликнулся на его стенания Вольфрам Зиверс.

– Однако предназначение его известно?

– Первоначально Мария использовала его всего лишь как атрибут тибетской древности, то есть так, как и характеризовал его берлинский лама. Однако во время второго сеанса – не первого, а именно второго – этот «жребий» вдруг повел себя таким вот странным образом. Из этого следует, что свойства, которые он сейчас демонстрирует нам, могут быть как бы приобретенными, то есть ими «жребий» наделили Высшие Неизвестные. Из какого вещества он создан и каково его истинное предназначение, – пылко объяснял Зиверс, чуть сдвинув часть наушников Скорцени, – нам так и не ведомо. Одно известно – что с некоторых пор Неземная Мария, которая была ученицей и подругой ламы, всегда использует эту штукавину при намерении вступить в глубинную связь с Внешним Разумом. И, что самое странное, до сих пор этот «жребий» поддавался только ее голосу, только ее магнетизму, только ее магическим заклинаниям и прочим оккультным ритуалам.

– Вы проверяли это?

– Естественно. Доказано: никому иному этот, как Мария называет его, Жребий Вечности, не подвластен. Очевидно, это было предусмотрено ламой, когда он вручал этот «жетон дьявола», как его назвал местный пастор.

– «Жетон дьявола», говорите? Образно сказано. А как называет его Неземная Мария?

– Жребием. Точнее, Жребием Вечности.

– Что звучит более философично, – признал штурмбаннфюрер.

– Причем с виду это слегка увеличенная, неотшлифованная свинцовая пломба. Таинственный свет и столь же таинственная органная музыка исходят из него только тогда, когда под воздействием каких-то паранормальных сил он взлетает и вот так вот парит.

⁴ Лама с таким прозвищем действительно жил в конце 1930-х годов в Берлине, и Гитлер несколько раз общался с ним. По одной из версий, именно этот загадочный тибетец, исчезнувший затем из Германии, и был первым наставником фюрера в его медиумно-контактерских опытах.

– То есть, воспарив, он подает знак, что контакт установлен, и музицирует в воздухе до тех пор, пока этот контакт поддерживается?

– Так точно. Если Высшие Неизвестные довольны темой, которую навязывает им Неземная Мария, а точнее, мы с ее помощью, Жребий Вечности всегда опускается на стол так, чтобы контактерам виден был некий нерасшифрованный нами рунический знак, то есть как бы орлом; если же недовольны – открывается чистая сторона, такая себе потусторонняя решка.

3

Зиверс намеревался сообщить еще что-то, однако резким, предостерегающим движением руки Браун заставил его умолкнуть.

– Солнечный диск, – услышал Скорцени в своих наушниках слегка заторможенный, полусонный какой-то, но все же вполне земной голос Неземной Марии. – Атланты называли его солнечным диском. Тонкие физические поля... Принцип? Каков принцип? Гравитация. Не понимаю. Электромагнитный и гравитационный? Это двигатель? Принцип работы двигателя. Не применять для войны? Гибель цивилизации?

Оторвав взгляд от всего того, что происходило в центре часовни крестоносцев, воздвигнутой на могилах рыцарей-германцев, чьи останки когда-то, очень давно, были привезены со Святой Земли, Скорцени видит, как Браун срывает с себя наушники и, врубаясь согнутыми костяшками пальцев в стол, изрыгает настоящий, хотя и слегка приглушенный, рев:

– Каков принцип работы двигателя, Мария? Не давай ему уводить себя в сторону! Нужен принцип работы! Нужен источник энергии! Вы слышите меня, Шернер? – наклоняется к микрофону Ракетный Барон. – Подсказывайте ей, черт возьми, Шернер, подсказывайте!

– Энергия? – вновь слышится в наушниках Скорцени полусонный-полубредовый голос Неземной Марии. – Откуда, от чего исходит энергия, двигающая солнечный диск? Почему он летит с такой скоростью? Гравитация... Так, энергия гравитации... Энергия гравитации неисчерпаема. Энергия гравитации переходит в механику. В механическую. Что, и в электрическую – тоже? Конвертация гравитационной энергии. Понимаю. Двигатель – это конвертор.

– Ну вот, – нервно потер ладонь о ладонь барон фон Браун. – Это уже кое-что!

– Видение! – представала Мария в роли космического гонца всего земного человечества. – Явилось видение! Это чертеж? Вижу, вижу: пошел чертеж!.. Копирую его, копирую... вижу схему. Рисую схему. Это вращение. Разностороннее вращение двух роторных систем? Схожее действие? Ах, во время движения?! Вокруг корабля – особое электромагнитное поле? – специально для дешифровальщиков уточняла и переспрашивала фюрер-контактер.

«Ничего не понимаю! – мысленно возмущился Скорцени. – Похоже на то, что потусторонний контактер так же далек от технических тайн дисколета, как Мария – от чертежей Брауновских Фау.

– Существует несколько систем... двигателей, установленных на дисках, – продолжала тем временем отрабатывать свой контактерский хлеб эта удивительная женщина. – Несколько типов двигателей. И несколько типов дисков. Понимаю: это разные поколения дисколетов и их двигателей. Вижу видение! Рисую. Импульсный генератор магнитного поля? «Черное солнце»? Что такое «Черное Солнце»? Какими-то техническими данными уже обладает контактер, Черный Магистр нашего общества «Черное Солнце»?

Скорцени чувствует, как рука Ракетного Барона, которого в кругу офицеров СД он как-то назвал Ракетным ФАУстом, легла на его руку. И понял: таким образом ФАУст отреагировал на ссылку на магистра «Черного Солнца».

– Кто там у них, в «Черном Солнце», ходит в фюрерах? – резко спросил фон Браун, подтверждая его догадку.

– Выясним.

– Как можно скорее. А главное, следует выяснить, откуда у него эти сведения и почему он до сих пор скрывал это.

– Завтра же прикажу, – заверил его обер-диверсант. – Мои «интеллектуалы» душу из него вытряхнут. Хотя думаю, что если он обладал какой-то серьезной информацией, он бы ее уже выложил.

– Выложить ее, Скорцени, он должен мне. Только мне.

Скорцени тотчас же поднялся, выглянул из часовни и, подозвав адъютанта, приказал немедленно связаться по имеющейся в его машине рации с гестапо, с отделом, занимающимся борьбой с оппозицией государству в общественных организациях, чтобы выяснить, кто там, в «Черном Солнце», выступает в роли главного контактера, в роли черного магистра. Найти его и завтра доставить к нему, Скорцени, в кабинет. После этого опять вернулся на свою оккультную галерку.

– Понятно, – все еще вдохновенно общалась с неведомыми мирами Неземная Мария, – это вы о дальности полета... А высота самого дисколета достигает тридцати метров?

Обер-диверсант рейха вновь переводит взгляд на научного директора Пенемюндского центра и видит, как тот привстает со своего кресла и, вцепившись руками в наушники, упирается лбом в тонированное богемское стекло, словно собирается разнести его вдребезги.

И Скорцени понимает его: как же Ракетному Барону хочется оказаться сейчас на месте Неземной Марии! Как ему хочется хотя бы словом перекинуться с Высшим Неизвестным, олицетворяющим Внешний Разум! А ведь и в самом деле, кто и зачем ввел в реальность бытия этот откровенно узурпаторский, антицивилизационный закон, согласно которому творец не может быть контактером, а контактер – творцом?! Каков в этом высший смысл?!

Но, задавшись этим, казалось бы, сугубо риторическим вопросом, Скорцени откуда-то из глубины подсознания вдруг услышал вполне четкий, вразумительный ответ:

«Мир должен развиваться постепенно и одновременно. Не может существовать народа, который, опередив в своем научно-техническом развитии весь остальной мир, стал бы его властелином! Человечество развивается так, как ему предначертано. Могущество народа проявляется только тогда, когда оно угодно и предусмотрено Внешним Разумом!»

«Вот оно что! – вынужден был согласиться с логикой мышления этого неведомого от кого и откуда исходящего голоса. – Справедливо: все народы континента и планеты должны развиваться более-менее равномерно, составляя единый, более или менее определенный и контролируемый уровень цивилизации».

– Правитель Внутреннего Мира? Встретиться с правителем? – металась тем временем где-то между землей и потусторонним миром Неземная Мария, пожертвовав своей проданной дьяволу душой на алтарь Тысячелетнего рейха. – Нужно встретиться с Правителем Внутреннего Мира? Яснее, прошу вас, яснее!

– Вот именно, черт возьми! – срывается барон фон Браун, считая, что для него, для исследовательского центра в Пенемюнде, контакт вновь завершается безрезультатно. – Яснее надо бы, яснее!

– Начальные знания Германия получит из Внутреннего Мира? Я верно поняла? Нам будет разрешена встреча? Где расположен этот Внутренний Мир? Лды? Что... лды? Подо льдами? Так, опять явилось видение! Вижу, теперь вижу! Бесконечное ледовое поле. Горы. Тоже ледовые. Это Гренландия? Нет? Континент подо льдами? Мир – в глубине континента, подо льдами? Так это, стало быть, Антарктида?!

– При чем здесь Антарктида?! – нервно забарабанил пальцами по столу Ракетный Барон. – Ничего мы там не получим! Ничего! Дисколет – это не земная, а космическая технология. Если у антарктов и есть дисколеты, то получили они их из космоса. По крайней мере, их технологию, принцип работы двигателя и аэродинамические основы построения этого типа. И им запрещено распространять эти знания без согласия из космоса. Так что нас специально сбивают с толку.

– Или наоборот, – возразил Скорцени, – указывают вполне земной путь в космос – через Антарктиду. «Не с теми контакт устанавливаете! – вот что говорят нам сейчас Высшие Неизвестные. – Разберитесь с тем, что уже создано вашими предками на вашей же планете!»

– Ну, не знаю! – начальственно ударяет ладонью по столу барон фон Браун как раз в тот момент, когда на галерке появляется доктор Зиверс. – В любом случае заниматься земными

поисками этих знаний придется вам и вашим коллегам, Скорцени. Вас, господин Зиверс, это тоже касается. Мое дело – устремляться в небо.

– Извините, барон, но я считаю, что сеанс был очень удачным! – откровенно обиделся на него реальный руководитель «Аненербе».

– В том смысле, что с нами стали о чем-то там говорить, а не послали к дьяволу?

– О дьяволе в этой святой обители ни слова, барон. И потом, надо послушать, что скажут дешифровальщики и что там, на рисунках Марии, на открывшихся ей во время видений чертежах.

– Детскую мазню лунатика – вот что вы на них увидите.

– Не зря я говорил, что вам не следовало приходить на этот сеанс! – леденеет голос штандартенфюрера СС Вольфрама Зиверса. – Ваше неверие в возможности и расположение к нам Высших Неизвестных – оно здесь неуместно и недопустимо! – бросает покровитель аненербовских колдунов, уже стоя на выходе. – Тонкие материи космоса чутко улавливают присутствие подобных отрицателей, им претит ваша энергетика скептицизма!

Этот аргумент Зиверса действует неотразимо. Нет, поначалу он все же по инерции ворчит: «Тонкие материи, тонкие материи!», – но затем умолкает, поднимается со своего кресла и, виновато поглядывая то на штандартенфюрера, то на Скорцени, прохаживается по галерке, хотя размеры ее на нервные метания явно не рассчитаны.

– Ладно, – наконец бросает он. – Пойдем к дешифровальщикам, посмотрим, что они нам скажут. Но я хочу, чтобы в этой стране все знали, что я желаю летать на ракете, а не на метле!

– Но не я и не Мария Воттэ, – срывается теперь уже Зиверс, – виновны в том, что на метле у вас получится скорее и лучше, чем на ракете, наш дорогой ФАУст-Барон! Так что вы уж извините!

– Странные вы люди! – говорит им вслед обер-диверсант рейха, не заботясь о том, чтобы эти двое чернокнижников действительно услышали его. – Мы присутствовали на сеансе связи с Высшими Неизвестными. Получая возможность убедиться, что такая связь в самом деле существует, что это не фокус и не шарлатанство – как в этом пытаются убедить нас некоторые церковники и... просто яростные отрицатели. И это уже само по себе – таинственно и прекрасно.

4

...Впав в мечтательное полузабытье, фельдмаршал Роммель как-то не заметил, когда на каменистом плато, на кострище догорающего дня и на фоне выжженного поднебесья неожиданно начал материализовываться миражеподобный силуэт верблюда. Еще одного!

Они врывались в поток сознания завоевателя Египта подобно явлению небес, и, заинтригованный эти бредовым видением, Роммель даже приподнялся в своем гамаке, пытаясь убедиться, что ему действительно не померещилось.

Нет, ему не померещилось: там, на неосязаемой грани между миражным видением и призрачной реальностью, действительно зарождался небольшой караван. Неизвестно откуда прибывший и куда направляющийся, он чинно вышагивал по ничейной полосе, по смертельному, огненному лезвию войны, символизируя собой абсолютное презрение не только караванщиков, но и всего народа, самой этой страны, – к обоим завоевателям, их мечтаньям и амбициям.

Возможно, что он и в самом деле зарождался из глубины веков пустынным преданием предков, освящал своим пришествием современность и непознанной загадкой уходил в вечность. Всадники, мерно покачивавшиеся на спинах животных, представляли всего лишь тенями своих предков, духами пустыни, восставшими в одном из ее неистребимых миражей.

«А ведь вполне может случиться так, что когда-нибудь, в XXII столетии, в этой пустыне станут появляться миражи, воссоздающие колонны твоих солдат и твои танковые клинья. И лишь самые отпетые знатоки истории решатся предполагать, что это из погибельного мрака столетий, из страны мертвых, приходят к своим потомкам дивизии, погубленные в египетских песках неким германским фельдмаршалом Роммелем. Именно так эти неучи с университетскими дипломами и будут формулировать судьбу солдат твоего корпуса: «погубленные фельдмаршалом...»

Со своей «пальмы» – как он называл гамак – Роммель так и не спустился. Тем не менее образно представил себе, как десятки тысяч глаз по обе стороны плато провожают в эти минуты неизвестно откуда появившийся и неизвестно куда бредущий караван, самым появлением своим отрицающий какие-либо притязания чужестранцев и на эту землю, и на власть над ее народом.

Даже выучные верблюды в этой Богом проклятой пустыне взирали на пришельцев, как на унтерменшей – вот что здесь происходит! Как на унтерменшей и прочих недочеловеков!

«Интересно, у кого первого сдадут нервы? – неожиданно загадал Роммель. – У моих легионеров? Нет, у британцев?»

Однако все гадания Лиса Пустыни, как называли теперь генерал-фельдмаршала, оказались напрасными: выстрела так и не прозвучало. Не нашлось ни одного обезумевшего от жары рядового и ни одного по самой природе своей безумного фельдфебеля, который бы попытался пресечь движение этого для обеих сторон вражеского и неизвестно что везущего в своих тюках каравана.

Прошествовал последний верблюд, караван растворился в мерцающей дымке, и только теперь Роммель ощутил, насколько одиноко и тоскливо ему в этой стране-пустыне. И насколько она неизлечимо пустынна.

«Нет, – с яростью молвил он себе – все против тебя на этой земле. Казалось бы, та же пустыня, те же караваны. И те же англичане – в лютых врагах... Все вроде бы то же самое, что представляло и перед Наполеоном, даже предательство “вольфшанцкой Директории”. И почти та же слава.

Но жестокость бытия в том и заключается, что в глазах современников ты предстаешь всего лишь тенью Бонапарта. Только тенью. И что из того, что тебя тоже побаиваются – и по ту сторону плато, и по ту сторону моря? Побоятся-то лишь потому, что помнят о военном

гении Наполеона и понимают, как велико для тебя искушение пойти по его африканским стопам.

Нет, второго Наполеона эта пустыня сотворить уже, видимо, не способна! Так и остаться тебе Лисом Пустыни, – объявил он приговор собственному честолюбию. – Всего лишь лисом, а никак не повелителем.

А ведь и в самом деле, кто способен будет убедить историков и саму Историю, что виновны в этом африканском крахе не ты и твои легионеры, а... предательство берлинских штабистов, предательство самого фюрера? Ибо нельзя, в высшей степени безнравственно целый корпус посылать на некую "стратегическую" гибель! Если только позволительно говорить на войне о... каком-то там проявлении нравственности!»

Но, действительно, что он должен говорить своим солдатам? Что их бросают на произвол судьбы, не требуя ни побед, ни солдатской доблести, поскольку вся доблесть будет заключаться в их собственной гибели?

– Разве что взять пять-шесть сотен своих африканских легионеров, высадиться на все том же мысе Фрежюс, на котором когда-то высадился Наполеон, и двинуться на Париж... – проговорил он вслух, вновь утомленно опускаясь на «ветку» своей походной «пальмы». – Как в старые добрые времена. А что? «Фельдмаршал Роммель идет на Париж! Африканское Чудовище приближается к столице! Император входит в благословенный Богом Париж! Народ приветствует своего императора!»⁵ И пусть мир ломает голову, пытаясь разгадать его замысел, понять, что ему в этом Париже понадобилось... Никому и в голову не пришло бы, что, подобно Наполеону, я ворвался в Париж с одной-единственной целью – спросить: «Что вы сделали с Францией без меня?! Что вы с ней сделали?!»⁶

– Господин фельдмаршал, – возник во входном просвете адъютант командующего. – Прибыл Мохаммед аль-Сабах. Он желает вести переговоры от имени местных вождей.

– Желает? Кто он таков, этот ваш аль-Сабах, чтобы сметь что-либо желать? Или я опять несправедлив?

– Он – вождь местного племени, точнее, одного из местных племен. Вы уже встречались с ним.

– Какого еще племени, полковник?! – с ироничной горечью прокричал Роммель, вываливаясь, наконец, из своей «подвески» и жадно припадая теперь уже к фляге с водой.

– Простите, я запамятовал его название. Эти арабские наименования!.. Если позволите, я еще раз спрошу...

– Да мне наплевать, как оно называется, Герлиц!

– И я того же мнения, господин фельдмаршал. Мы не должны...

– Я не знаю и не признаю никаких племен, – прервал его Лис Пустыни. – И вообще, какого дьявола ему здесь нужно?!

– Просит срочно принять.

– Так это был его караван?

– Может, и его. Но сам он прибыл еще два часа назад на рыбацкой шхуне.

– Ах, еще два часа назад?! То есть он прибыл не с этим караваном, он оказался у нас не попутно? Интересно, что он все это время делал в моей ставке?

– Ждал, – вежливо склонил голову Герлиц.

– Почему... ждал? – не понял фельдмаршал. – Чего?

– Разрешения увидеться с самим фельдмаршалом Роммелем! Он обязан был прочувствовать важность этого момента, важность оказанного ему фельдмаршалом непобедимого Афри-

⁵ Здесь интерпретируются сообщения в парижских газетах, характер и тон которых менялся по мере приближения Наполеона к Парижу после его ссылки на Эльбу.

⁶ Известная фраза Наполеона, которой он, вернувшись из Египта, ставил в тупик своих политических противников.

канского корпуса снисхождения. Извините, но я позволил себе не докладывать, считая, что он может подождать, – спешно умалывал свою вину адъютант. – Тем более что араб так и не смог внятно изложить причину своего появления.

– Или не желал делать это в разговоре с вами.

– Или не желал, – воинственно подтвердил Герлиц, демонстрируя готовность обидеться на неразговорчивого вождя непонятно какого племени.

– Вот увидите, Герлиц, он станет уговаривать нас махнуть рукой на противостоящие нам силы англичан и форсированным маршем двигаться на Каир.

– Вы правы, мой фельдмаршал. Вожди хоть сейчас готовы провозгласить вас фараоном, лишь бы увереннее чувствовать себя под вашим маршальским жезлом.

– Так, может, снизойти? Или я опять несправедлив?

– «Гробница фараона Роммельзеса Первого»! – не лишен был юмора адъютант. – Вот этого персональной гробницы-пирамиды в Берлине, в ставке фюрера, вам уже никогда не простят.

– Кстати, о Берлине... – Роммель по-наполеоновски скрестил руки на груди и прошелся по шатру. – Поступали какие-либо новые известия?

– Никаких.

– А жаль. Впрочем, все равно предчувствие у меня такое, что персональную гробницу мне уже приготовили: не здесь, а в Берлине.

– Вам?! – искренне удивился адъютант. – Только не вам! Я знаю, какие события вы имеете в виду: недовольство командования, возможный бунт части генералитета. Но ведь вы так и не решитесь примкнуть к бунтовщикам, а фюрер не решится возвести вас в ранг личного врага. Не посмеет. Фельдмаршал Роммель – это, черт возьми, фельдмаршал Роммель!

«Вот он, приговор, – поиграл желваками Лис Пустыни. – Объявленный тебе устами человека, который знает тебя, как никто иной в этом мире: “Но ведь вы так и не решитесь примкнуть к бунтовщикам, фельдмаршал Роммель!” И что ты можешь ответить ему? Только одно».

– Вы уже должны бы знать, Герлиц, что я – командующий корпусом, а не бунтовщик.

– Я это знаю. Вы – истинный легионер.

Фельдмаршал помнил, что в понятие «легионер» полковник Герлиц всегда вкладывал нечто большее, чем оно предполагало собой. Это была высшая оценка воинских достоинств кого бы то ни было. На все времена.

– У меня врагов и здесь, в этой проклятой Богом и людьми пустыне, хватает. Зачем мне искать их еще и в Берлине?

И тут полковник сказал то, что буквально сразило Лиса Пустыни.

– Если честно признаться, мне хотелось бы видеть вас фюрером Германии. Вы вполне заслуживаете этого. Однако и в роли великого фюрера великой Ливийской пустыни вы тоже воспринимаетесь достаточно солидно. Фюрер пустыни, фюрер Египта и Ливии, фюрер Африки! Почему бы немного не пофантазировать? Наполеон, насколько мне известно, никогда не отказывал себе в таком удовольствии. Вот и вождь местных вождей Мохаммед аль-Сабах напрашивается на встречу. Как вы думаете, о чем он будет говорить? Вот увидите: о великом фюрере великой пустыни. Ясное дело, это только мои предположения, я могу и ошибаться...

– Вы – никогда, мой адъютант-стратег! Кто угодно, только не вы!

– Напрасно вы так убийственно иронизируете, господин фельдмаршал. Время такое, что местная элита тоже начинает задумываться над созданием могучих африканских государств, способных противостоять и нападениям соседей, и колониальным конвульсиям европейских империй.

– Тогда почему здесь только аль-Сабах? – наконец воспринял правила игры Роммель. – Сюда пора бы уже прибыть десяткам других вождей. В том числе и вождям из Берлина. Я что, несправедлив?

- Абсолютнейшая справедливость! Милостью аллаха они рано или поздно придут.
- Им пора бы уже явиться сюда и умолять меня идти на Берлин.

Полковник, конечно же, мог воспринимать эти слова как очередную шутку командующего и, очевидно, так и воспринимал бы, если бы не знал, какие мечтания и какие «страсти по Бонапарту» скрываются за ироничным позерством его покровителя. Сейчас он мог лишь пожалеть о том, что ему не дано обратиться к своему фельдмаршалу: «Вы, как всегда, правы, мой Бонапарт!»

– Не исключено, что именно этим все и кончится. Судя по тому, как затягивается блицкриг в России и ожесточается в своем недовольстве фюрером наш генералитет.

Роммель грустно и безнадежно ухмыльнулся каким-то своим мыслям, похлопал адъютанта по мокрому от пота плечу и велел позвать аль-Сабаха.

– Как жаль, – молвил он, – что, выйдя из этого шатра, я не буду иметь права воскликнуть: «Одумайтесь, не могу же я быть одновременно повсюду!»⁷ И потом... меня совершенно не прельщают лавры фельдмаршала Герцогенберга⁸, всю жизнь сражавшегося против своего отечества.

⁷ Известное восклицание Наполеона, разочаровавшегося действиями, а точнее – безынициативностью своих маршалов.

⁸ Фельдмаршал-лейтенант австрийской армии барон фон Герцогенберг. Настоящее имя – Пико де Пикадю. Французский аристократ, сокурсник Наполеона по Парижской военной школе, лучший ученик этой школы и вечный соперник Бонапарта. После революции эмигрировал в Австрию. Дважды – в 1805 и 1809 годах – попадал в плен, но оба раза очевидно, по распоряжению Наполеона его великодушно отпускали. В последние годы своей жизни (умер в 1820 г.) являлся начальником венской кавалерийской школы Марии-Терезии. От своего французского имени и французского дворянства отказался из... неумной ненависти к Франции.

5

Когда Жребий Вечности, наконец, опустил на широкое лезвие тевтонского меча, Мария Воттэ – рослая полногрудая женщина лет сорока, с коротенькой стрижкой седеющих волос, в облике которой ничего такого, ведемско-колдовского, не улавливалось, – на мгновение склонилась над ним и, не увидев тотемного знака древних, резко откинулась на спинку кресла. Чтобы вот так, запрокинув голову, надолго замереть в позе умирающей Дездемоны.

– Хотите сказать, что Высшие Неизвестные опять недовольны? – еще со ступенек лестницы поинтересовался Скорцени, пытаясь завязать разговор, в который Браун, из уважения к службе безопасности СС, решил не вмешиваться.

– Опять, – едва заметно кивнула жрица часовни крестоносцев, все свои оккультные экзальтации проводившая здесь, в этом храме убиенно-усопших. И даже не открыла глаз, не поинтересовалась, кто это посмел вторгаться во все еще не развеявшийся магический эфир ее терзаний.

– На сей раз – вторжением в тайну их дисколетов? – самоуверенно, с какими-то откровенно диверсионными нотками в голосе, словно речь шла не о высших внеземных силах, а об итальянской королевской контрразведке, спросил Скорцени. И, уверенно войдя в ритуальный зал часовни, жестами заставил ассистентов Неземной Марии удалиться.

Ему хотелось, чтобы космическая мечтательница вышла, наконец, из своего сомнамбулическо-трансового состояния и вернулась в тот мир убийственных иллюзий и предательских надежд, в котором все они, на этой земле сущие, все еще пребывали.

– Недовольны не они, недовольны те, кто позволяет мне выходить на эту связь, – едва слышно проговорила Неземная Мария, продолжая оставаться в прежней позе, благодаря которой невольно заставила обер-диверсанта залюбоваться ее выпирающей из-под эсэсовского френча грудью.

– То есть одни, скрежеща зубами, кое-как выдавливают из себя хоть какую-то там информацию о таинственных для нас солнечных дисках, а другие пытаются препятствовать им даже в этом благородном намерении?

– Приблизительно так оно и есть, Скорцени. – Зажглась небольшая люстра, однако свет нескольких ее свечеподобных лампочек был неярким и не нарушал молитвенной таинственности готических сводов.

– А ведь я не представлялся и прибыл неожиданно для вас.

– На самом деле спросить вы хотели о чем-то более существенном, спаситель великого дуче, – не стала предаваться каким-либо объяснениям обер-медиум и фюрер-контактер рейха. – Спрашивайте, микрофоны я отключила.

– Удалось узнать что-нибудь существенное? Если я верно понял, в видениях вам являлись какие-то чертежи?

– Это уже второй мой выход на связь в попытке понять принцип работы дисколетных двигателей. – Мария открыла глаза и приняла нормальную позу, однако у нее был усталый вид человека, решившего присесть после невероятно трудного дня. – Единственное, что я сумела понять, так это то, что двигатели у них гравитационные.

– Уже кое-что.

– Скорости их диски развивают огромные, двигаются во все стороны, почти мгновенно меняя высоту и направление полета, но самое интересное, что запасы используемого ими топлива или источника энергии – неисчерпаемы.

– Знали бы эти Высшие Неизвестные, как такие дисколеты, да к тому же с неисчерпаемым запасом горючего, нужны сейчас рейху!

– А почему вы решили, что они не знают этого?

– Что, действительно? – Описывая лицо этой женщины, Скорцени все время приходилось бы пользоваться определением «слегка»: слегка утолщенный нос, слегка утолщенные чувственные губы, слегка выпяченный лоб, слегка увеличенный, да нет, тут уж почти до массивного расширенный, волевой подбородок.

И над всем этим – безрассудно-большие, по-цыгански черные, холодно-обворожительные глаза. Но о них следовало бы говорить отдельно, поскольку существовали они как бы сами по себе, независимо от их случайной владелицы. Всякий мужчина, решившийся всмотреться в эти глаза или воспринять их гипнотизирующий взгляд, уже неминуемо оказывался выбором «жребия вечности».

Скорцени не находил ее ни красивой, ни хотя бы по-женски привлекательной, тем не менее сказал себе: «А все-таки хотелось бы знать, какова же она, эта дьяволица в мундире штурмфюрера, – в брачной постели».

– Вот именно, штурмбаннфюрер, «в брачной», – неожиданно эхом отозвалась Неземная Мария.

– Простите?

– «Дьяволицу в мундире штурмфюрера» я вам, допустим, прощаю. Однако ход мыслей у вас какой-то непростительно наивный, Скорцени: «Какова она в брачной... постели?!»

Скорцени растерянно рассмеялся.

– Забыл, что вы читаете мысли, провидица.

– Чтобы читать такие мысли мужчины, – сделала она ударение на слове «такие», – провидицей быть не нужно, достаточно быть сколько-нибудь опытной женщиной. Исключите понятие «брачной» – а все остальное нам с вами действительно суждено познать. Я поняла это еще тогда, когда меня пытались привлечь для поисков дуче. Не знала только, когда именно это случится.

– И когда же?

– Наберитесь мужества: послезавтра.

– Но послезавтра я, кажется...

– Не пытайтесь противиться судьбе, Скорцени. Все наши трагедии, все духовные и душевные изломы происходят как раз тогда и с теми, кто самоубийственно пытается противиться ходу собственной судьбы. Вы же не станете противиться тому, что завтра вам придется присутствовать при неудачном запуске новой ракеты Доктора ФАУста.

– Неудачном?

– Я этого не произносила, господин штурмбаннфюрер СД. Однако завтра вы поймете, почему в средневековые церковники предпочитали сжигать нас на кострах. Признаю, это было справедливо. Вы же, в свою очередь, признайтесь, что о приглашении Гимmlера присутствовать при этом запуске в Пенемюнде вы еще тоже не знаете.

– Признаюсь.

Скорцени видел, что в проеме двери часовни появились сразу два силуэта – Брауна и Шернера⁹. И ему тоже не нужно было слыть провидцем, чтобы знать, что они уже бегло прошли по заметкам и чертежам Неземной Марии и теперь казнят себя массой всевозможных дополнительных вопросов, которые им бы хотелось задать фюрер-контактеру.

– Извините, господин штурмбаннфюрер, – заговорил фон Браун, – однако нам хотелось бы...

– Минутку, мы завершаем, господин... конструктор, – едва сдержался Скорцени, чтобы не брякнуть: «ФАУст». – То есть им – ну, этим, из потусторонности, – известно абсолютно все? – поспешно уводил он Марию и самого себя от опасной темы. – Согласно библейской легенде о всевидящем оке Господнем?

⁹ Более подробно о Германе Шернере и его отношениях с Брауном – в романе: «Антарктида: Четвертый рейх».

– Посвященные некоторых миров знают не только то, что мы здесь уже натворили и что собираемся натворить, но и что нам за все это в будущем будет! Чем и за что придется расплачиваться.

– Хотя этого нам лучше не знать, – согласился обер-диверсант. – Мудрость бытия в том и состоит, что природа хранит нас от дара предвидения.

– Кроме некоторых жесточайше наказанных подобным даром, – заметила фюрер-контактер. – Кстати, живу я сейчас по адресу...

– Считайте, что он мне уже известен. Есть ли уверенность, что во время третьего сеанса вам удастся?..

– На третий «дисколетный» сеанс эти Высшие Неизвестные не пойдут, они дали это понять по знаку Жребия Вечности. Можно, конечно, поискать другие каналы, выйти на другую внеземную цивилизацию или на атлантов...

– На атлантов? Вам и на них удастся выходить?

– Изредка, – молвила Неземная Мария, уже направляясь к выходу. Раздражать сразу двух любимчиков фюрера ей не хотелось: зачем испытывать судьбу? – Несколько задушевных бесед с их главным контактером Аросом...

– Вам известно даже его имя?!

– Вам ведь известны имена ведущих разведчиков и диверсантов, скажем, Англии или России.

– Отдельных, выдающихся...

– Так вот, у нас свой профессиональный круг. И заметьте, у нас отряд командос в тыл врага не забросишь. На противника – невидимого, коварного, сильного и смертельно опасного – приходится выходить один на один, почти в открытую. Правда, с Аросом у нас существует некая условная договоренность, своеобразный «пакт о ненападении».

– Он поддерживает связь только с вами?

Мария ответила не сразу, что-то сдерживало ее. Первый диверсант рейха заметил, что она колеблется, не зная, как бы получше обрисовать ситуацию.

– Я пытаюсь повлиять на него таким образом, чтобы из всех земных контактеров он предпочитал меня. Такой ответ вас устроит?

– Но, в таком случае, почему бы вам не воспользоваться знакомством с офицером службы имперской безопасности и не обратиться за помощью? Небесных недоброжелателей нам убрать будет трудновато, но земных!.. Госпожа Воттэ, вы нас явно недооцениваете.

– Я воспользуюсь вашим советом, как только пойму, что не в состоянии сама разобраться со своими врагами, – вежливо ответила Неземная Мария, стараясь на сей раз не очень-то бравоировать свойственной ей ироничностью.

Как только Мария приблизилась к выходу, откуда-то из-под галереи, из какой-то тайной каморки, появились двое скуловоротов в черных церковно-монашеских одеяниях. Один из них держал в руках небольшой продолговатый сейф, другой с такой же цепкостью сжимал в руках автомат. Смерив Скорцени подозрительными, иезуитски-оценивающими взглядами, они молча погрузили в свой металлический короб Жребий Вечности, меч и череп; еще раз смерили Скорцени взглядами инквизиторов и удалились в свою каморку.

Формально иезуитский орден в Германии был запрещен, однако во всех оккультных делах, там, где речь шла об охране святынь и тайне сомнительных ритуалов, канцелярия фюрера и руководство «Аненербе» по-прежнему полагались только на особо подобранных и вышколенных иезуитов. Многие из которых уже прошли посвящение в члены СС.

6

Садясь в «опель», который увозил его в Берлин, Скорцени уже знал, что в обществе «Черное Солнце» действительно был контактер, которого именовали Черным Магистром. Однако две недели назад его нашли мертвым в загородном доме: раскусив ампулу с ядом, он благополучно отбыл в лучшие миры.

Правда, полицейские, занимавшиеся этим делом, выяснили, что сделал этот свой выбор между жизнью и смертью Черный Магистр не по своей воле, а после жестоких пыток. Однако существа проблемы это уже не меняло: отныне Черный Магистр был доступен только для специалистов по загробным мирам, медиумов.

Но если перед смертью над этим чернокнижником действительно издевались и глумились так, как это описано в полицейском рапорте и медицинском заключении, то и на том свете Черный Магистр теперь уже будет молчать, опасаясь, что недоброжелатели настигнут его и там. Когда шефу гестапо группенфюреру СС Мюллеру предложили как-то участвовать в одном спиритическом сеансе, он возмутился:

«На что вы старика Мюллера провоцируете?! Сами же потом будете распускать слухи, что Мюллер со своим гестапо уже и до того света добрался. Расправившись со всеми живыми врагами рейха, он теперь принялся за мертвых!», – но затем, очевидно, сраженный глубиной собственной идеи, вдруг заметил: «Хотя это мысль! На том свете тоже пора создать отделение гестапо. Слишком уж подозрительными кажутся та легкость и душевное облегчение, с которыми многие наши подопечные порываются предаться яду, петле или пуле, да чему угодно, только бы поскорее уйти от ответственности перед гестапо! Несправедливо это!»

Получив информацию о гибели Черного Магистра, Скорцени тотчас же связался с одним из заместителей шефа гестапо и попросил лично заняться этим делом, которое «с данного часа следовало объявить делом имперской важности».

Однако, не полагаясь ни на гестапо, ни тем более на полицию, поздно вечером обердиверсант позвонил на домашний телефон Неземной Марии.

– Извините за столь поздний звонок, госпожа Воттэ, но обстоятельства дела таковы, что...

– Позвонили вы как раз вовремя. Именно тогда, когда поняли, что никто другой помочь вам в этом вопросе не сможет.

– Значит, вы были близко знакомы с Черным Магистром?

– С Гансом Дольгером? Я бы не назвала это близким знакомством в обычном понимании.

– То есть?

– В реальной жизни мы виделись только дважды. Но он путался у меня под ногами во время моих сеансов с Высшими Неизвестными. Которые использовали его как своего информатора и агента влияния.

– Даже так? У них тоже есть агентурная сеть?

– Вы даже не догадываетесь, насколько мощной эта сеть является. Причем в большинстве своем она состоит из агентов влияния, которые очень недооцениваются нашими традиционными разведками. Это агенты влияния дискредитируют в прессе контактеров и медиумов, отрицают существование дисколетов, снежного человека и всего прочего, что могло бы привлечь внимание к параллельным мирам и к проявлениям земной деятельности инопланетных цивилизаций, целеустремленно и неуклонно оккупирующих нашу планету. Все это настолько очевидно, что...

– Вам известно, кто и почему убил Ганса Дольгера? – прервал ее рассуждения Отто Скорцени.

- Имен не знаю. Но предполагаю, что в его судьбу вмешались «Стражи Земли»¹⁰.
- Мне приходилось слышать о них. Некое влиятельное международное тайное общество.
- По структуре своей напоминающее тайный рыцарско-монашеский орден, наподобие ордена иезуитов или ордена Сиона. Орден Стражей Земли, несомненно, является одним из наиболее древних, тайных и агрессивных. Адепты его уверовали, что являются спасителями планеты, поскольку всячески мешают техническому развитию цивилизации, пытаясь направить это развитие в русло оккультизма и высшей, некими таинственными учителями освященной, духовности. Кстати, объективности ради должна заметить, что этот Орден действительно обладает какими-то древними летописями и какими-то тайнами предыдущих цивилизаций; он накопил немало сведений, касающихся контактов наших предков с космосом, и технических достижений предыдущих земных рас.
- Тогда понятно, какова его ритуальная основа.
- Вот только долг свой стражи видят в том, чтобы скрыть все эти сведения от нынешних ученых, затормозить прогресс; выкрасть, дискредитировать или уничтожить все рукописи, чертежи, технические обоснования, диссертационные работы, которые способствуют прогрессу науки и техники, в том числе и в области вооружений.
- Вы знакомы хотя бы с одним из таких стражей?
- Я веду довольно замкнутый образ жизни, что вполне оправдано родом моих занятий.
- Однако вы знаете имя человека, который способен вывести гестапо на след адептов ордена Стражей Земли.
- Я действительно «осчастливила» бы гестапо одним таким именем, но дело в том, что группенфюрер СС Мюллер знает его лучше меня.
- Зачем прибегать к помощи Мюллера, если имя знакомо вам? Кто этот человек?
- Фюрер. – Прошло несколько томительных секунд, прежде чем Неземная Мария, насладившись растерянностью Скорцени, великодушно уточнила: – Говоря «Фюрер», я не имею в виду Адольфа Гитлера. Речь идет о его личном и тайном астрологе, чья, как это ни странно, настоящая фамилия – Фюрер¹¹. Вы, очевидно, не знали о существовании такого тайного звездочета фюрера.
- Признаюсь, что не знал.
- Нет, сам Фюрер-звездочет к ордену Стражей не принадлежит, для этого он слишком, ну, скажем так, простоват. Но кое-что ему может быть известно. Во всяком случае, кто-то из стражей вполне мог выходить на связь с фюрером благодаря его Фюреру-звездочету.
- Даже так?!
- Только мой вам совет, Скорцени, не вмешивайтесь в эти сферы, у вас и так полно всевозможных заданий и поручений фюрера. Так что пусть Фюрером фюрера занимается гестапо, которое, конечно же, заниматься этим не станет. И еще одно, – поспешно добавила Мария, опасаясь, как бы Скорцени не перехватил инициативу в этом общении. – После этого телефонного разговора особой надобности в нашей послезавтрашней встрече уже нет.
- Но я хотел...
- Не надо объяснений, штурмбаннфюрер. Да, я говорила, что эта встреча предначертана, однако не следует забывать, что судьба состоит из роковых и нероковых встреч и событий. Нероковые отличаются тем, что они допускают вариантность событий. Если человек предупрежден о таком событии, он способен повлиять на его ход. Так вот, считайте, что я вас предупредила и тотчас же освободила от рокового приговора судьбы. Тем более что вам предстоит

¹⁰ Подробнее об обществе «Стражи Земли» читайте в романе «Антарктида: Четвертый рейх».

¹¹ Исторический факт: фамилия личного астролога фюрера была – Фюрер! Гитлер считал такое совпадение высшим знаменем и удостоил своего Фюрера совершенно немыслимого научного звания: «Полнообладатель математических, астрономических и физических наук».

встреча с женщиной, которая вам по-настоящему нравится и которая доставит вам немало прекрасных минут.

– Вам известно имя этой женщины?

– Постыдитесь, Скорцени! Зачем оно мне? Да и вообще, этой вашей женщине имя не нужно, потому что это Ваша Женщина. И не спрашивайте, почему я знаю об этой встрече. В таких случаях я отвечаю фразой моей подруги, картежной гадалки: «Так легла ваша карта!»

– Этот ответ меня вполне удовлетворяет.

– Приглашение на охоту в Пенемюнденские болота вы, надеюсь, уже получили?

Скорцени помнил, что в прежние времена Пенемюнденские болота действительно славились своей охотой на уток, в сезон которой туда съезжались аристократы-охотники не только со всей Бранденбургской земли, но и со всего Поморья. Во всяком случае, до сих пор все в принципе, в сути своей запретные разговоры о Пенемюнде и делах Пенемюнденского исследовательского центра Ракетный Барон фон Браун благополучно сводил к теперь уже тоже для всех, кроме него самого, запрещенной утиной охоте. С которой он связывал даже само появление на острове Узедом ракетного центра.

«Когда остро встал вопрос об испытательном ракетном полигоне, – рассказывал как-то Браун в узком кругу офицеров СД, – который бы находился где-то на побережье, чтобы осколки ракет не поражали населенные пункты, я отправился в свое имение в Силезии. При первом же упоминании о том, что я ищу для своей испытательной станции подходящее место, моя мать вспомнила о Пенемюнде, где любили охотиться на уток еще ее отец и дед. До этого в районе деревушки Пенемюнде я никогда не был, но, побывав в охотничьих местах Узедома, понял: лучшего места, чем этот малозаселенный полудикий островок, мне не найти!»

– Вы оказались правы, госпожа Воттэ, приглашение на охоту я действительно получил, – признал теперь Скорцени. – И это сильный аргумент в вашу пользу.

– Но только помните, что я об этой «поднебесной забаве» говорила.

Скорцени помнил: Неземная Мария предвещала этой страшной «поднебесной забаве» очередную неудачу.

7

К тому моменту, когда начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер и обер-диверсант рейха Скорцени прибыли в Пенемюнде, пилоты-смертники уже находились на ракетной площадке испытательной станции «Вест» и ждали команды «На вылет».

– Господин обергруппенфюрер, господин штурмбаннфюрер СС, господа генералы и офицеры! – бросился к ним с докладом гауптштурмфюрер, командир отряда Карл Вейзе. В обычной обстановке Скорцени прерывал обстоятельные доклады, поскольку о ракетчиках своих знал буквально все, а еще потому, что терпеть не мог «плацевых церемониалов». Но теперь «выход на сцену» командира отряда ракетчиков, бывшего геринговского аса Вейзе, был рассчитан не на него, а на Кальтенбруннера да неспешно подтягивающихся вслед за ними: генерала артиллерии Брандта, начальника центра генерал-майора Дорнбергера и каких-то офицеров из штаба люфтваффе. – Пилоты самолетов-снарядов обершарфюрер СС Грешнер и гауптшарфюрер СС Рудель прошли спецподготовку на курсах Ракетного училища СС и готовы к выполнению задания.

– Они проинструктированы об особенностях этого задания и их собственной миссии? – спросил Скорцени, который был начальником этих ускоренных курсов и в свое время лично контролировал набор отряда ракетных камикадзе, состоящего теперь из сотни добровольцев. Такие же отряды были набраны для пилотов самолетов-снарядов «Fzg-76»¹², которые еще именовались летающими торпедами и настоящих, только пилотируемых, морских торпед.

– Так точно, оба пилота проинструктированы и подтвердили свою готовность пожертвовать жизнью во имя фюрера и победы Германии! Сегодня предстоит вылет обершарфюрера Грешнера. Гауптшарфюрер Рудель является пилотом-дублером и одновременно стажером.

И Скорцени, и Кальтенбруннер знали, что дублер нужен был на тот случай, если бы с первым пилотом случилась истерика, он бы струсил и запаниковал. Но, похоже, что пока что Грешнер держался.

Скорцени помнил, что эти двое парней были взяты из госпиталя, где они лечились после ранений, полученных на Восточном фронте. Они первыми приняли специальную присягу пилотов-ракетчиков, то есть пилотов-смертников, и дали согласие первыми сесть за штурвалы нового вида «летающих машин, именующихся оружием возмездия, как это, в целях сохранения секретности, именовалось в тексте данной присяги. И вот сейчас такое право фельдфебелю и оберфельдфебелю войск СС было предоставлено.

Кстати, рейхсмаршал Геринг добился того, что офицеров-пилотов, прошедших подготовку в летных училищах, в команду смертников зачислять было запрещено, хотя кандидаты появились. Так уж случилось, что первым впал в истерику и запаниковал именно главком люфтваффе, которому и так погибельно не хватало пилотов для бомбардировочной, а тем более истребительной авиации.

Поговаривали, что Геринг пришел в ярость, позвонил руководителю центра, генерал-майору доктору Дорнбергеру, и орал, что он прикажет его самого запустить в первой же пилотируемой ракете и при этом позаботится, чтобы она обязательно взорвалась прямо на стартовой площадке, как взорвались десятки других. И что он не позволит взять из рядов ВВС ни одного пилота, которых – настоящих пилотов-асов – у него и так уже почти не осталось. Что его пилоты, особенно на Восточном фронте, и так уже давно являются смертниками, потому что, как правило, только на один вылет их и хватает.

¹² Самолет-снаряд представлял собой некую комбинацию самолета и мощной ракеты, которую пилот-смертник обязан был навести на определенную цель – завод, штаб, правительственное здание...

Однако все закончилось благополучно: в критический момент в ситуацию вынужден был вмешаться Гиммлер, а создавать команды смертников поручили Скорцени, орать на которого – рейхсфюрер СС знал это точно – не решался даже Гитлер, потому что откровенно побаивался этого «самого страшного человека Европы».

Пилоты во время доклада гауптштурмфюрера Вейзе не присутствовали. Они сидели в отведенной им комнатке, и перед каждым из них лежала плитка шоколада и стояла чашка кофе, к которым они так и не притронулись.

– Уже пора? – слегка дрожащим голосом спросил Грешнер, увидев на пороге Скорцени и командира своего отряда. Оба пилота-гладиатора, как они сами себя называли, поднялись и, поприветствовав офицеров, стояли навтыжку.

– Пока нет. Но вы получите приказ. Если только вы готовы к его выполнению.

– Я готов, господин штурмбаннфюрер.

– Самолет-снаряд, которым вам надлежит управлять, слишком дорогое и грозное оружие, чтобы его можно было отдавать в руки труса или человека, не уверенного в себе, не готового отдать жизнь за фюрера и Германию.

– Мы с Руделем, – оглянулся Грешнер на своего друга, – прошли через сотни боевых вылетов, каждый из которых мог стать последним. Нас дважды сбивали.

– Это так, – подтвердил Рудель, до этого почти два года сражавшийся на Восточном фронте в ипостаси стрелка тяжелого бомбардировщика.

– Вы имеете право раскусить ампулу с ядом, который действует почти мгновенно, однако сделать это должны не раньше, чем наведете свою «летающую торпеду» на цель, и сообщите об этом по радиосвязи.

– Я решил для себя, что не стану пользоваться капсулой, дабы не терять контроль над торпедой, – твердо заявил Грешнер.

– Он способен на такое, – поручился за товарища Рудель. – Он по-настоящему волевой. Я знал его таким, еще когда мы были студентами.

– В таком случае вы настоящие гладиаторы, – молвил Скорцени. – Мы с вами – германцы и умирать должны, как подобает воинам-германцам. Ну а приказ на вылет... Он вскоре поступит.

Эти парни даже не догадывались, что, произнося все это, Скорцени уже твердо решил для себя: добиться, чтобы самолет-снаряд, или как его называл сам Вернер Браун, воздушную торпеду, испытывали в беспилотном режиме.

Улучив момент, он отозвал Брауна чуть в сторонку и сказал:

– Вы, доктор Браун, как угодно можете относиться к провидческим способностям Неземной Марии, но она дважды предупредила меня, что запуск окажется неудачным, то есть я так понимаю, что ракета должна взорваться то ли прямо на стартовой площадке, то ли сразу же после взлета.

– Слишком много провидцев развелось в этой гибнущей стране – вот что я вам скажу, Скорцени! – раздраженно отреагировал штандартенфюрер Браун. – Теперь я понимаю, почему короли так благосклонно относились к инквизиторам. Эту ведьму давно следовало бы сжечь.

– Причем в пламени вашей стартующей ракеты, – поддержал его Скорцени. – Но дело в том, что она не накликает, а лишь предугадывает. И в этом ее прелесть.

– Мы оба знаем, в чем ее прелесть, штурмбаннфюрер, – огрызнулся Ракетный Барон, намекая на то, что видел, как обер-диверсант любезничал с Марией. – Мне непросто было добиться разрешения на пилотируемый полет самолета-снаряда, но я его получил. Так что пусть теперь кто-то из ваших «бессмертных» жертвует собой.

– Не торопитесь, Браун. Для взлета летающей торпеды пилот не нужен, ее запускают с помощью специального электрического устройства, такой себе электрокатапульты, – я все верно понимаю?

– Предположим.

– Направление, скорость и точку поражения вы определяете еще при запуске. Пилот вам нужен только для того, чтобы исключить отклонение от объекта, то есть погасить рассеивание, из-за которого ваши торпеды порой отклоняются от точки поражения до пятнадцати километров. Но если сегодняшняя торпеда взорвется на старте и пилот заживо сгорит на глазах у десятков генералов и представителей нескольких концернов...

– Да, они присутствуют здесь, – удрученно подтвердил фон Браун. – В частности, один из директоров концерна «Хейнкель», с самолетов которого тоже планируется запускать определенный тип ракет; а еще представители «Фоке-Вульфа» и «Блом унд Фосса». Все они финансируют наши проекты.

– Вот видите. А теперь представьте себе, как будет злобствовать рейхсмаршал Геринг, узнав об этой «публичной казни» своего люфтваффовца. Он, конечно же, позвонит фюреру или Гиммлеру и вновь потребует, чтобы две сотни подготовленных нами пилотов-смертников вернули в его авиачасти. Они там сейчас крайне нужны, а гибель в бою он им гарантирует.

– К чему вы ведете, Скорцени? Хотите, чтобы я объявил собравшимся, что нам стало жалко пилота, а посему испытание отменяется?! Вы этого хотите?!

– Мы ничего не будем им объявлять. Присутствующие будут считать, что пилот занял свое место в кабине. Если самолет-снаряд достигнет берегов Англии, то судьба пилота их интересов уже не будет. Если же ракета взорвется на старте, мы предъявим им живого пилота. Хотя сомневаюсь, что кому-либо понадобится видеть его.

Фон Браун покусывал нижнюю губу и молчал. Он понимал, что Скорцени предлагает ему вполне джентльменский выход из создавшейся ситуации, однако признать это и отказаться от пилота-смертника не решался.

– Позволю себе напомнить вам, дорогой доктор Браун, что отвечать за безопасность ваших проектов фюрер поручил мне. И отвечать за набор и подготовку смертников фюрер тоже почему-то приказал именно мне. Не догадываетесь, почему? Объясняю: потому что, когда надо принимать волевое решение, я его принимаю, не задумываясь над тем, кому из высокого руководства мое решение понравится, а кому нет. Поэтому всю ответственность за решение относительно пилота я беру на себя. Все, приглашайте гостей в отведенный для них бункер. А бывший геринговский ас Вейзе поведет пилотов к площадке, но спрячется с ними в бункере для техперсонала.

* * *

В бункер для гостей Скорцени прибыл уже тогда, когда все были в сборе.

– Опять что-то не ладится? – вполголоса поинтересовался его шеф Кальтенбруннер.

– Да нет, пока все нормально.

Обергруппенфюрер проницательно всмотрелся в лицо своего подчиненного и не поверил ему.

– Что, барон слишком нервничает?

– Слишком, – едва слышно произнес Скорцени, понимая, что этот вопрос шефа РСХА оказался очень кстати. – Не уверен он в этой своей ракете. Но понимает, что отступать поздно.

– А как ведет себя пилот?

– Да пилот, в отличие от конструктора, держится – дай Бог каждому смертнику.

– Вы встретились с ним?

– И уверен, что он готов умереть, как подобает солдату.

– Хорошо, что хоть Бог все еще посылает нам таких солдат, – простудно прохрипел генерал артиллерии Брандт. – Потому что с техникой у нас почему-то никак не ладится. Единствен-

ным оружием возмездия, которым мы можем похвастаться перед русскими и англичанами, остается все тот же саксонский или померанский новобранец.

Следующие две-три минуты прошли в томительном ожидании. Наконец появился Дорнбергер и предложил всем надеть защитные очки, чтобы обратить свои взоры на смотровые щели, защищенные толстыми пуленепробиваемыми стеклами. Еще через какое-то время в бункер вошел заметно нервничающий барон фон Браун. Напомнив присутствующим основные характеристики пилотируемого самолета-снаряда, он объяснил, что запускать его будут с бетонной площадки (до этого некоторые летающие торпеды запускали со специальных металлических конструкций) и что в качестве топлива используются водород и жидкий воздух.

А еще он сообщил, что взлетает такая торпеда почти вертикально, чтобы затем, спустя несколько секунд, перейти на горизонтальный полет. При этом барон обратил внимание «пенемюнденских туристов» на одну, теперь уже сугубо психологическую, новинку: для устрашения врага на корпусе ракеты-торпеды установлена система специальных вибрирующих пластинок различных размеров и конфигураций, создающих угрожающий шумовой эффект, который сеет во вражеских рядах панику.

Оставшись довольным своим исчерпывающим рассказом, Ракетный Барон уединился в командном отсеке, в котором располагался напичканный всевозможными приборами пульт управления полетами, и, выслушав по телефону доклад о готовности аппарата, повернул ручку стартового рубильника.

Все, что смогли увидеть присутствующие после этого его решительного и властного движения руки, они передавали потом, в своих впечатлениях, несколькими рублеными словами: «Сильнейший рев, мощное пламя и оглушительный взрыв!»

Как только град осколков прекратился, представители концернов сразу же, не прощаясь и ничего не комментируя, поспешили к выходу, подальше от этого огненно-осколочного ада. Оставшиеся военные старались не смотреть друг другу в глаза и, проходя мимо застывшего в двери своего отсека барона фон Брауна, разочарованно-понимающе молчали.

– Передайте своей провидице, что она может ликовать, – процедил творец Фау и прочих ракет фон Браун.

– Думаю, что она уже обо всем знает.

– Так что, она и в самом деле способна все предугадывать? Тогда, может быть, мне пора зачислять ее к себе в штат?

– Вот видите, барон, даже на этот шаг вы так до сих пор и не решились! – прошел мимо него Скорцени, направляясь к выходу из бункера. – Вы меня разочаровываете. Кстати, – остановился уже в двери, – в своем отчете, который, конечно же, ляжет на стол Гиммлеру и фюреру, вам не придется упоминать имя погубленного вами пилота¹³. На вашем месте, барон, я бы поблагодарил меня за столь смягчающее вашу вину обстоятельство.

Приближение Скорцени к домику администрации испытательной станции «Вест» двое пилотов-смертников и их командир наблюдали, стоя у небольшого, коттеджного окошка.

– Помолись на этого человека, Грешнер, – произнес гауптштурмфюрер Вейзе. – Это лучший диверсант страны и лучший диверсант этой войны. Говорят, что в бою этот человек жалости не знает. Но именно он настоял сегодня, чтобы тебя не загоняли в кабину этого адского снаряда. Причем действительно настоял, несмотря на то, что в бункере для гостей находилось с десятков генералов и высших офицеров.

¹³ Не существует никаких указаний на то, что при испытании подобных пилотируемых самолетов-снарядов, летающих торпед, действительно использовались пилоты-смертники. Исключение составляют лишь межконтинентальные ракеты, о которых речь идет в романе «Субмарины уходят в вечность».

– Обязательно помолюсь, – едва шевеля непослушными, побледневшими губами, проговорил пилот-гладиатор. – Я, конечно, все равно умер бы, но зачем же так страшно и бесполезно?

– Тут уж кому какая судьба выпадет, – мрачно вздохнул гауптштурмфюрер, которому трижды пришлось прыгать с пылающего самолета, а в последний раз он едва успел выбраться из горящей машины, посаженной на шоссе, в двух километрах от аэродрома.

Каким образом он уцелел в своем наполненном талой водой придорожном овражке после взрыва баков и боезапаса, когда все вокруг было вспахано осколками и сожжено, – этого он объяснить так и не смог.

– Все, что происходило на стартовой площадке, – решительно ворвался в комнатку Скорцени, – вы прекрасно видели. Но это еще не повод для сантиментов и стенаний. Обоим пилотам объявляю благодарность за мужество. Вам, гауптштурмфюрер, как командиру отряда – тоже. Подготовьте представление на присвоение Грешнеру чина унтерштурмфюрера, то есть младшего лейтенанта войск СС, и завтра же отправьте в ту часть, в которой он воевал. Пусть в дальнейшем испытывает свою судьбу там. И никаких псалмопений по этому поводу, Грешнер, – избавил он новоиспеченного офицера СС от излишних словоизлияний, – никаких псалмопений!

Как только Скорцени вошел в свой кабинет, на столе его ожил городской телефон.

– И как же зовут того пилота, которому вы спасли сегодня жизнь? – без всяких вступительных фраз поинтересовалась Неземная Мария.

– Грешнер, обершарфюрер Грешнер.

– Грешнер, говорите? Вряд ли я стану запоминать эту фамилию, а вот вам... вам советую запомнить, поскольку может случиться так, что этот спасенный вами человек еще встретится на линиях вашей руки.

– Ну, тут уже следует быть справедливым: спасли его вы, а не я.

– Если бы я предложила Брауну отказаться от пилота-смертника, он приказал бы сжечь меня вместе с ним. Прямо на старте, в пламени, вырывающемся из ракеты...

Скорцени вспомнил, что она почти дословно воспроизводит слова, которые он сказал сегодня в Пенемюнде барону фон Брауну, и поневоле вздрогнул.

– Браун уже что, звонил вам?

– Нет, конечно.

– Кто-нибудь другой?

– Да никто мне не звонил! Вам напомнить мой скромный чин?

– Тогда вас действительно пора сжигать на костре инквизиции, Мария.

– И непременно сожгут. Хотя я предпочитаю, чтобы меня сжигали на кострах любви, Скорцени. Причем делали это как можно чаще. Впрочем, к вам это уже не относится. Завтра же вам суждено сжигать в своих объятиях другую, свою женщину.

8

– Это наши владения, Отто: наш парк, наш старинный рыцарский замок... Вы же – мой повелитель, только что вернувшийся из крестового похода. Да-да, вы – тот самый маркграф фон Скорцени... Достойнейший из германских рыцарей, сумевший довести свои отряды до Палестины, защитить Гроб Господний и вернуться в свою благословенную Баварию с чашей святого Грааля.

Слушая милый бред Лилии, Скорцени молитвенно наслаждался ее телом, как бы заново открывая его для себя, словно никогда раньше они не предавались этому библейскому греху. Словно все это – губы, шея, грудь, атласная упругость живота – познавалось им впервые, а потому открывалось как великое таинство ласки, великое таинство любви.

– Мы ласкаем друг друга уже целую вечность. Мы обречены на эти поцелуи, эти ласки. Мощные стены «Вольфбурга» навечно оградили нас от остального мира; чаша Грааля одарила бессмертием, а вечная страсть погрузила в объятия, вырвать из которых не способна уже никакая сила...

– Кто бы мог предположить, что вам ниспослан величайший из земных талантов, Фройнштаг, – попытался Скорцени хоть как-то присоединиться к потоку ее чувственного полубреда. – Вы обладаете способностью жить в том мире, который порождает собственной фантазией.

– Но это же прекрасно! Всем бы такую способность. Очевидно, мне придется создавать специальную школу, которая будет называться «Школой сотворителей миров». Вам предоставляется возможность стать первым моим учеником.

– Выслушивая вас, я понимаю, что всякий раз топчусь у входа в этот ваш мир, так ни разу и не решившись переступить его порог.

– Это ваши собственные иллюзии, Отто. Не приписывайте их мне. На самом же деле я обладаю совершенно иным талантом.

– Сгораю от любопытства.

– ...Только мне одной по-настоящему подвластным талантом великого порабощения мужчины. Который в то же время является самым тяжким на этой земле смертным грехом женщины, – с томным придыханием просвещала его Фройнштаг, впиваясь пальцами одной руки в его волосы, а второй – следуя за скитающейся по ее телу рукой Отто. – Кое-кто считает это талантом любви. Но зачем фарисействовать? Никакой любви отныне не существует.

– И никогда не существовало, – отчаянно покачал головой Скорцени.

– Ни-ког-да!

– На самом деле было, есть и всегда будет только великое порабощение мужчины.

– При котором мужчина фанатично отдает себя в руки Женщины и ее воле. Как монах-затворник, предающий себя телесным и сексуальным мучениям, сознавая, что только таким образом он по-настоящему полагается на волю и ласку Божью.

– Подобных откровений философия бытия еще не знала, – молвил Отто, припадая к груди девушки, как измученный песками пустыни странник – к божественному роднику, дарующему живительную влагу лишь до тех пор, пока перед ним стоят на коленях.

– Знала, Скорцени, знала. Она, эта ваша философия бытия, уже все давным-давно познала.

– И все же... эти откровения...

– О да! Я все еще позволяю вам восхищаться собой.

«А ведь у этой женщины воистину божественная грудь, в которой сокрыта вся астральная тайна Фройнштаг, вся та бездна соблазна, в который Лилия время от времени ввергает тебя,

заставляя забыть о том, кто ты, каково твое предназначение в этом мире и что происходит за уютными стенами».

– Прекратите, Фройнштаг. Кончится тем, что вас сожгут за них на костре. – Он вдруг вспомнил Неземную Марию и понял, что предназначались эти слова ей.

– За откровения? На костер – за свои откровения?

– При чем здесь откровения? Какие еще откровения?! За эти перси, – алчно впился в них руками Скорцени. – За это колдовство. За это безумие.

– За них – да, ибо они вещественны. Что же касается слов... Какими бы вещами они нам ни казались, – они недостойны костра инквизиции. Все еретички, которые были сожжены за свои прорицания и откровения, взошли на них невинно. Очистительному огню Божьему женщин следует предавать только за красоту их груди.

– Но тогда мы сожгли бы всех самых красивых.

– Так оно и происходит: во все века сжигали самых красивых.

– Ну, если бы так было на самом деле...

– О, если бы так было на самом деле! Ты даже не представляешь себе, какая огромная масса женщин со всего мира ринулась бы к судам инквизиции!

– Так, так, так! – заинтригованно оживился Скорцени. – Почему эта масса женщин ринулась бы к судам инквизиции?

– А ты не догадываешься, почему? В надежде доказать, что их, именно их, и только их, грудь – самая величественная и самая порочная! Что только им, и ни одной другой женщине, место на очередном костре.

– Потрясающая логика! – уселся Отто в постели с широко открытым от удивления ртом. – Ничего подобного даже предположить не мог.

– О, с каким яростным вызовом, с каким наслаждением они восходили бы на эти огневища! – продолжала свою «инквизиторскую сагу» Лилия Фройнштаг, вновь насильственно укладывая мужчину в постель. – Как они торжествовали бы, видя перед собой толпы недостойных и отвергнутых соперниц, которым не оставалось бы ничего иного, как с ненавистью в глазах и душах подбрасывать в огонь сладострастной победы этих мучениц свой чахлый, отсыревший на слезах женских обид и разочарований, хворост!

Скорцени оставил в покое по-девичьи налитую грудь Фройнштаг и, опять широко открыв рот от удивления, уставился на Лилию. Ему не верилось, что подобные слова способны зарождаться из уст этой порочной женщины. Что они вообще способны зарождаться в устах любой из ночных грешниц, пусть даже эти грешницы будут прекраснейшими и достойнейшими из некогда изгнанных из рая вместе со своими Адамами...

– Кажется, я увлеклась и увлекла, – еще более томно вздохнула Лилия и, захватив Отто за загривок, решительно ткнула его лицом в свою грудь. – Со мной, штурмбаннфюрер, – по складам произнесла она чин Скорцени, – это иногда случается. Но вы-то все равно этого не поймете.

– Знаете, Лилия, вы совершенно не та, кем предстаете перед людьми средь бела дня.

– Не огорчайтесь, мой крестоносец. И помните: при свете солнца ведьмы всегда предстают в обличье прекрасных искусительниц. Поэтому-то и познавать их следует только ночью.

«Но я-то имел в виду нечто иное, – мысленно возразил Отто. – Эсэсовка, бывшая охранница женского концлагеря, диверсанта... И вдруг такой эмоциональный взрыв, такое извержение женственности!...»

– Только не вздумайте произносить все это вслух! – с сатанинским провидчеством предупредила его Фройнштаг. – Боже упаси вас решиться на такое!

– Мысли читаете? Это уже нечестно.

– Потому и говорю: женщину следует познавать ночью. Ибо днем все мы в той или иной степени ведьмы.

«Интересно, знает ли Неземная Мария, где я сейчас и чем занимаюсь? – подумалось Скорцени. – Наверняка знает. Эта “белая ведьма” знает все. Не зря мне порой кажется, что устами Лилии Фройнштаг глаголет Мария Воттэ. Интересно, что бы она сказала, если бы я сейчас позвонил ей? Вдруг начала бы повторять слова Лилии, как повторила мои, сказанные барону фон Брауну!»

– О чем вы думаете, Скорцени? – заподозрила что-то неладное Фройнштаг.

– О судьбе рейха, – ответил штурмбаннфюрер первое, что пришло ему на ум, однако ответ ему понравился: универсальный и, если учесть характер его службы в Главном управлении имперской безопасности, во многих случаях очень близкий к правде.

– Почему бы вам не предоставить это право фюреру, мой дорогой штурмбаннфюрер? Тем более что так глубинно и безотрадно задумываться, как это делаете вы сейчас, можно только тогда, когда в мыслях – коварная женщина. Будем признаваться, Скорцени?

– Не виновен я, Лилия, не виновен.

– И в этом вся твоя вина.

«И все же, кто способен поверить, что эта женщина долгое время была охранницей женского лагеря?! Чертова война! Такая потрясная женщина – и вдруг!»

Они лежали на необъятном ложе посреди огромного зала. В низко опущенном бронзовом светильнике мерцала одна-единственная, забытая ими, свеча, зажженная по их страхам, их окутанному любовными ласками одиночеству...

– Если вы еще хоть раз повторите мысленно или вслух то, что только что подумали обо мне, нам с вами никогда не забыть, что эта война действительно была, и все, что происходило на ней, происходило и с нами.

– Но это была наша война. Почему мы должны отречься от нее? Ведь это мы с вами творили все эти «дранг нах Осты» и «дранг нах Весты»; мы формировали отряды доблестных, да что там – доблестнейших из рыцарей...

– И за это будем прокляты. Причем совершенно справедливо. Только мне не хотелось бы, чтобы все грехи человеческие, отголоски всех страданий этой войны пали на нас двоих. Только на нас. Если мне и предстоит за что-то гореть на кострах – на этом или том свете – предпочитала бы гореть за свою самую красивую в Европе грудь, если только она будет признана таковой. И за бесстыжее, безжалостное порабощение любимого мужчины.

Скорцени в последний раз припал губами к нежности не освященного материнским молоком соска и, откинувшись, обессиленно лег на спину. Мрачные своды зала напоминали своды склепа. Он лежал, погребенный войной и собственными страхами. Всеми проклятый и всеми забытый.

Пока речь шла о войне, Скорцени обычно чувствовал себя уверенно. Он знал, как убить страх в своей душе и породить его в душе врага; знал, как нужно действовать, чтобы спастись самому и убить всех, кто явился на поле брани, надеясь на его гибель. Он познал цену риску и цену отчаянной храбрости.

Однако все это укрепляло дух Скорцени лишь до тех пор, пока он чувствовал себя воином. И тотчас же предавало его, как только пытался представить себя вне войны, посреди оазиса мирной жизни.

«Война и есть твое предназначение, – сказал себе Скорцени. – Ты рожден войной и для войны. В тебе живет слитый воедино дух всех твоих предков-воинов. Твоя молитва – меч. И крест твой – тоже меч. И священный посох, ведущий тебя через сотворенную войнами пустынь Европы, – меч. Ибо мечом тебя крестили и мечом станут отпевать. (А ведь так оно на самом деле и было в рыцарские времена: мечом крестили, мечом посвящали в воины и рыцари и мечом отпевали.) Так в чем же твоя вина перед миром? Не ты был первым, кто выковал меч, и не тебе быть последним, кто его держит в руке. И кто, следуя библейскому завету, перекует

его на орало. Ты – воин. И ты выполняешь свой долг перед соратниками твоими, Германией, фюрером».

Отто вдруг вспомнились слова, которые он услышал от русского белогвардейского офицера Розданова.

– «Без войны человек деревенеет в комфорте и богатстве, и совершенно теряет способность к великодушным мыслям и чувствам, и неприметно ожесточается и впадает в варварство»¹⁴, – процитировал он вслух и, немного выждав, не последует ли реакция Фройнштаг, объяснил: – Эти слова принадлежат величайшему из русских писателей – Федору Достоевскому.

– Странно. Он был военным?

– Да нет.

– Так мог говорить только человек, всю свою жизнь посвятивший войнам. Можете считать, Скорцени, что Достоевский украл эти слова у вас. Или же специально для вас сформулировал эту мысль.

– Причем самое удивительное, что появились эти слова из-под пера русского как раз в то время, когда он пребывал в Дрездене.

– Тогда понятно, – многозначительно молвила Лилия. – Наверняка в него вселился дух какого-то странствующего рыцаря.

– Что еще раз подтверждает, что сама атмосфера Германии пресыщена величием рыцарства и воинственного бесстрашия, – согласился с ней Скорцени.

– Но если не ударяться в мистику, а судить Достоевского «по словам его», то получается, что он был убежден: как только человечество прекратит воевать, оно сразу же начнет впадать в варварство! Но что же тогда война? Очищение от варварства?

– Рулетка, во время которой одни впадают в варварство и мечтают о варварском мире, другие – гибнут на фронтах, вознося свои подвиги к величию бесстрашия, самопожертвования, служения... Пусть найдутся мудрецы, которые истолкуют сущность войны иначе.

– Но после этого им придется объяснять, с какой это стати именно эти праведники-войноненавистники сами вновь и вновь затевают войны; кто и зачем развязывал все эти тысячи великих и малых войн. И тем не менее, Отто... Как мы с вами будем после войны?..

– Мне иногда кажется, что миллионам мужчин по-настоящему страшно станет только тогда, когда они поймут, что прозвучал последний залп войны и им навсегда придется расстаться с оружием.

– И как они пожалеют тогда, что, стремясь к убийству, так мало думали о любви.

– А когда все же предавались любви, никак не могли отречься от сознания того, что, вольно или невольно, становились убийцами.

* * *

Багрово-серебристая луна восходила как озарение, способное вывести из мрачных мыслей и еще более мрачных предчувствий. Это восходила луна войны, и признавала она только войну и любовь.

Все остальное, что творилось в ее подлунном мире, не стоило ни таинственного мрака ночи, ни ее упоительного света. Оно вообще ничего не стоило, поскольку не подлежало ни войне, ни любви.

– ...Ни войне, ни любви, – забывшись, произнес он вслух.

– Это вы о чем, наш обер-диверсант? – насторожилась Фройнштаг.

– Да так, некая непостижимая философия жизни.

¹⁴ Федор Достоевский высказал эту мысль в одном из своих писем из Дрездена в 1870 году.

– Вот видите, и вы тоже начали размышлять о философии жизни, а воину следует размышлять только о философии войны. Иначе он перестает быть воином. Опять вы маетесь, Скорцени! А все ваши метания происходят оттого, что совершенно забыли обо мне. Совершенно, а главное, очень не вовремя.

– Наоборот, начинаю грезить тобой, – нежно дотронулся пальцами до ее груди. Самой красивой груди, какую только способна была создать природа на всем пространстве от оставленных врагу прибрежных рубежей Нормандии до так и не возведенного воинским гением где-то в безбрежных степях Поволжья Восточного вала.

Самой прекрасной груди из всех, которые когда-либо удавалось заклеить и вознести на свой костер безбожной инквизиции, судьи которой так никогда толком и не научились ни любить, ни ненавидеть.

9

В своем белом одеянии вождь вождей аль-Сабах был похож на римского патриция.

Вряд ли ему перевалило за сорок, однако пустыня не щадила шейха: жара, песок и знойные ветры иссекли его лицо, превратив в загрубевшую, испещренную морщинами ритуальную маску.

– Я приветствую тебя, великий воин пустыни! – произнес он по-немецки, жутко коверкая при этом слова.

– И я приветствую вас, шейх, – Роммель терпеть не мог дипломатических церемоний, но прекрасно понимал, что сейчас без них не обойтись.

Приказав адъютанту принести бутылку вина, он усадил Сабаха за низенький, щедро инкрустированный драгоценными камнями походный столик.

– Какая благородная вещь! – сразу же восхитился вождь вождей, протирая куском своего пустынного балахона узоры на поверхности столика. – Сколько в ней высокого благородства!

Фельдмаршала поразило, что, при всем своем очевидном незнании германского языка, вождь умудрялся находить очень точные выражения. О журнальном столике, который разделял их, нужно было говорить именно так: «Сколько в нем высокого благородства!»

Только теперь, когда, не удержавшись, шейх провел рукой по поверхности столика и жадным взглядом прошелся по его росписям, фельдмаршал по-настоящему поверил, что перед ним – действительно произведение древних мастеров и что камни в этих инкрустациях подлинные. Именно поэтому он не спешил отрывать аль-Сабаха от созерцания столика, сейчас он чувствовал себя коллекционером, которому удалось поразить одним из раритетов своего многоопытного коллегу.

Этот столик добыл его «спецотряд по сбору драгоценностей», как теперь деликатно именовалась зондеркоманда, возглавляемая подполковником фон Шмидтом и в задачу которой входило то, что уже в открытую называлось «созданием сокровищ Роммеля».

Вино оказалось теплым, ибо о запасах льда здесь приходилось лишь мечтать, однако вождь почти залпом опустошил свой бокал, хотя по опыту Роммель знал, что обычно арабы от спиртного отказываются.

– Жидкость, – лаконично объяснил вождь, перехватив его удивленный взгляд. – Жажда. – И тотчас же вожделенно взглянул на фигурную бутылку бордо.

– Что привело вас ко мне? – на сей раз уже не спешил браться за «источник жизни» Роммель. – И кого, каких людей, какие силы вы представляете?

– В моем подчинении находятся пять племен.

– Вот как? – безынтонционно произнес фельдмаршал, берясь рукой за бутылку вина. – Что из этого следует? В чем выражается эта подчиненность? Вы пытаетесь создать свое независимое государство? Возродить древнюю империю? Объединить несколько племен в единый народ, пусть пока что и без своего собственного государства? Наконец, сотворить новый Карфаген?

– Это значит, что по существу я – вождь вождей этих пяти племен, – шейх выдержал паузу, наблюдая за тем, какую реакцию вызовет его сообщение у фельдмаршала. Но тот сделал вид, что вообще не обратил внимания на названное им количество племен. И «вождь вождей» вынужден был продолжать: – Мы хотим знать, что произойдет после того, как германская армия победит не только в Европе, но и здесь, в Пустыне Пустынь.

Роммелю уже не раз приходилось слышать, как Ливийскую пустыню уважительно называли Пустыней Пустынь, и если ему это название и нравилось, то только потому, что сам он в фольклоре бедуинов должен был представлять в облике завоевателя Пустыни Пустынь. Или же Великого Воина Пустыни Пустынь. Что его вполне устраивало. Слишком свежи были в его

памяти стремление рейхсминистра пропаганды Геббельса создать из него образ непобедимого, истинно народного маршала. Когда почти все германские газеты пестрели с его фотографиями, снабженными подписями: «Yolksmarschall Erwin Rommel». А все военные сообщения начинались с «африканских сводок» о победных боях Африканского корпуса Роммеля с английскими войсками.

«Роммель атаковал английские позиции в районе Мерса Брега!» «Войска германского Африканского корпуса захватили Бенгази!» «Батареи 88-мм орудий Роммеля, врытых в дюны, истребляют крейсерские английские танки!» Да, это были времена его полководческого восхождения к вершинам славы. Но затем пришли поражения: под Киренаикой, под Тобруком, под Эль-Аламейном. И был героический, но в то же время бесславный рейд по тылам англичан в районе хребта Аллам Халфа, когда его войска оказались без какого-либо снабжения и выживать приходилось исключительно на трофеях.

Поначалу, когда Восточного фронта еще не существовало, вся Германия радовалась тому, что войска Роммеля перемалывают военную мощь Англии на далеких африканских берегах Средиземноморья. Но уже к поздней осени сорок первого о Роммеле почти забыли, причем забыли все: газетчики, министерство пропаганды, армейские снабженцы, ставка Верховного главнокомандования, фюрер! Всем было «не до какого-то там Роммеля!» Германия жила войной с русскими, и эта война постепенно поглощала все ее силы.

– Так зачем вам понадобились эти сведения, позвольте узнать? – поинтересовался фельдмаршал, после того как разрешил аль-Сабаху еще какое-то время полюбоваться узорами столика.

– Вот именно, – подался вперед адъютант, доселе довольно безучастно дремавший в кресле у выхода из шатра. – Кому нужны эти сведения?

Шейх лишь слегка скосил взгляд на полковника, чье присутствие его явно не вдохновляло, и вновь уставился на бутылку бордо.

– Когда мы будем знать, что собирается предпринять Великий Воин Пустыни, тогда мы будем знать, как нам к нему относиться и чем мы можем помочь ему уже сейчас.

Чувствовалось, что шейх действительно обладает довольно большим запасом германских слов, но тем страннее выглядело то, как безбожно он их коверкал. Можно было подумать, что учителем его был человек, который сам тоже имел довольно смутное представление о берлинском или каком-либо ином истинно германском произношении.

– Сколько всадников вы можете выставить? – Только теперь фельдмаршал вновь взялся за бутылку и наполнил бокал «бедуина бедуинов».

Сделав несколько глотков, Сабах поставил бокал на столик и, молитвенно вознеся руки, проговорил:

– Почти тысячу сабель.

– А если по правде, – пробубнил адъютант, – то едва наберется пять сотен.

– Во всяком случае восемьсот я могу созвать хоть сейчас, – решил подстраховаться Вождь Вождей, почти злобно взглянув при этом на Герлица. Наверное, он так и не смог понять, кто этот человек на самом деле, и если он действительно всего лишь адъютант, то почему фельдмаршал позволяет ему вмешиваться в их разговор. – Правда, ружей у нас наберется не более сотни.

– Да и те старые, – продолжал комментировать Герлиц. – Мушкеты времен короля Людовика XV, собранные по провинциальным театрам, – вот что это за ружья!

– И очень мало патронов, – почти с вызовом продолжил свой рассказ шейх. – В той войне, которую ведете сейчас вы, господин фельдмаршал, и англичане, мое войско действительно равным счетом ничего не значит. Но мы и не собираемся принимать участие в этих боях.

– А я-то думал, что мне удастся использовать вашу верблюжью конницу в боях против английских танков! – иронично улыбнулся Роммель.

– Зато наша сила, – простил ему этот оскорбительный юмор шейх аль-Сабах, – проявится тогда, когда вы, господин фельдмаршал, решите создавать в Пустыне Пустынь свое королевство, свой, как это... – пощелкал он пальцами, – как по-германски называется империя?

– Свой рейх, – иронично подсказал Герлиц, который вел себя как артист, которому выпало выступать в роли суфлера; вот только подсказывать приходилось своему главному сопернику по сцене.

– Да, свой рейх. И тогда вы станете добиваться дружбы каждого нашего вождя, тогда на счету будет каждый мой воин.

– Почему вы так решили? – резковато спросил Роммель. – Если мы победим, нам и своих воинов будет хватать.

– Но вы не сможете построить здесь свою империю без нас. Принцип останется тот же: вам, европейцам, – города, нам – пустыня. При любом белом правителе здесь все равно будет существовать Страна Пустыни, а не Страна Городов.

– Оставим этот вопрос на рассмотрение наших архитекторов. Если я верно понял, вы хотите знать, намерен ли фюрер включать эту территорию в состав Великогерманского рейха.

– Мы знаем, что намерен, иначе зачем бы он терял здесь столько солдат. Но сумеет ли фюрер устоять в войне против русских и англичан там, в Европе? И если не сумеет, то как будете вести себя вы, находясь со своими войсками в нашей пустыне?

Роммель беспомощно взглянул на Герлица, ожидая, как он прокомментирует этот поворот в их переговорах, однако на сей раз адъютант предательски молчал.

– Пока что мы исходим из того, что войска фюрера сумеют переломить ход войны и для нас она будет победоносной.

– Извините, фельдмаршал, но мы в этом не уверены. События в Европе складываются не так, как это виделось фюреру и вашему генералитету.

– Просто сведения вы получаете не из наших, а из английских источников.

Наступила неловкая пауза. Шейх не стал отрицать того, что отрицать было просто бессмысленно.

– Мы получаем их из разных источников, фельдмаршал, – молвил Вождь Вождей, поднимаясь и давая понять, что встреча завершена. – Сейчас это не имеет принципиального значения. Важно то, что мы, бедуины, никогда не следуем за миражом. Кто идет за миражом – тот погибает, ибо это пустыня, фельдмаршал.

– Фельдмаршал терпеть не может, когда с ним начинают говорить восточными загадками, – наконец напомнил о себе Герлиц. – Поэтому мой вам совет: объясните четко и ясно, что именно привело вас сюда.

– Нас интересует, намерены ли вы, лично вы, господин фельдмаршал, создавать здесь свой собственный рейх.

– Но я не могу создавать свой собственный рейх, – почти прокричал Роммель, очевидно, испугавшись самой постановки вопроса. – Я ведь не фюрер!

– Это исправимо. Когда Гитлер решил создавать ваш Третий рейх, он ведь тоже не был фюрером. Потому что фюрером становится только тот, кто по воле богов решится создавать свой рейх.

– Логично, – почти произвольно изрек Герлиц, но, встретившись с суровым взглядом командующего Африканским корпусом, поспешно уточнил: – Однако окончательного решения фельдмаршал еще не принял.

Шейх поднялся и едва заметно склонил голову перед фельдмаршалом.

– Мы хотели бы знать, когда это решение будет принято. Поймите, это очень важно.

– Попытаюсь понять.

– Возглавляемый мною совет вождей готов будет поддержать вас независимо от того, победит ли ваша армия в Европе или нет и останется ли фюрер у власти. В свое время я учился

в Швейцарии и жил в кантоне, в котором преобладает германский язык. А еще я был свидетелем того, как именно Гитлер приходил к власти, и неплохо знаком с его программой. Многие из того, что он пропагандировал и чего добивался, мне нравилось. А то, что мне и многим другим в нашей стране сейчас не нравится в его программе, – появилось значительно позже, следовательно, его изначально можно избежать.

Шейх уже направился к выходу, но перед ним вдруг предстал Герлиц.

– Если предположить, что фельдмаршал решится создать здесь рейх Пустыни Пустынь, я сказал: Если предположить... Кем в этом рейхе хотели бы видеть себя вы?

– Председателем парламента или как он там будет называться.

– Вот теперь ситуация проясняется.

– Притом, что всеми высшими полномочиями, – поспешил уточнить шейх, – как и в современной Германии, будет обладать фюрер. В данном случае – Фюрер Пустыни Пустынь. Кажется, я ответил на все ваши вопросы. Встретимся через месяц. Если вы, фельдмаршал, – оглянулся на Роммеля, – примете решение раньше, вы найдете способ связаться со мной... мой Фюрер Пустыни.

* * *

Когда аль-Сабах ушел, Роммель молча наполнил свой бокал и залпом выпил. Он вдруг почувствовал себя таким уставшим и внутренне опустошенным, словно беседовал не с реально существующим шейхом, Вождем Вождей, а с пришельцем из иных миров.

– Почему вы молчите, Герлиц? – поинтересовался он после того, как несколько раз прошелся по шатру.

– Я не молчу, я размышляю.

– Тогда, может, хоть вы, великий мыслитель, объясните мне, как расценивать этот визит?

– Перед вами предстал человек, который пытался подтолкнуть вас к тому решению, к которому рано или поздно вы должны были прийти. Или уже пришли, но пока что предпочитаете не посвящать в свои планы никого, даже своего верного адъютанта Герлица.

– Если вы имеете в виду создание Великого рейха Великой Пустыни, то не темните, а называйте вещи своими именами.

– Уже назвал.

– Так вот, я не приходил к подобному мнению, Герлиц. И не мог прийти.

– Вождь Вождей ушел отсюда с тем же мнением, – уклончиво согласился адъютант.

– Я не мог к нему прийти, Герлиц, – еще жестче повторил фельдмаршал.

– Потому что вы не фюрер?

– Потому что у нас уже есть фюрер. Все еще есть фюрер, если быть точнее.

– Но ведь шейх говорил о Фюрере Пустыни, – напомнил ему адъютант, – которым тому, берлинскому, фюреру, именуемому, следует полагать, Фюрером Европы, никогда не стать.

– А что, если предложить этот вариант Гитлеру? – вдруг оживился Роммель. – Почему бы Германии не иметь здесь, в Пустыне Пустынь, свое марионеточное государство?

– Гитлер не потерпит появления еще одного фюрера, – резко отреагировал Герлиц. – Как бы этот новый фюрер ни называл себя.

– Но руководитель этой страны может называть себя не фюрером, а как-нибудь иначе, объявив себя подданным фюрера. И тогда, может быть, Гитлер, наконец, подбросит нам хотя бы несколько свежих, боеспособных дивизий.

«И все? – разочарованно уточнил про себя полковник. – Затеять создание рейха Пустыни Пустынь только для того, чтобы выпросить у Гитлера несколько свежих дивизий?! Нет, мой фельдмаршал, вам никогда не стать фюрером, ибо прав был шейх аль-Сабах: фюрером становится только тот, кто решится создать свой собственный рейх».

– Если вы изложите Гитлеру тот план, который только что изложили мне, он обязательно захочет обсудить его с Борманом и Герингом. Борман, конечно же, начнет вилять и дипломатничать, а вот маршал Геринг...

– А что маршал Геринг?..

– Он обязательно посоветует перебросить сюда несколько свежих дивизий, но вместе со свежим командующим корпусом, поскольку сейчас ему буквально во всем видятся нити заговора против фюрера. И на всякий случай посоветует усилить приписанное к корпусу управление СД.

– В таком случае пока что нам выгоднее воздерживаться от каких-либо революционных идей и помалкивать.

– Но это уже должно быть молчанием Фюрера Пустыни Пустынь, мой фельдмаршал, – назидательно изрек Герлиц и, как показалось Роммелю, даже попытался подражать произношению шейха.

10

Теперь в распоряжении Германа Шернера были доклад специальной комиссии, исследовавшей причины и последствия катастрофы летающего диска в районе города Фрейбурга¹⁵, и техническая информация, полученная Марией Воттэ во время сеанса с кем-то из Высших Неизвестных.

Важно, что у него были оба эти документа, поскольку многое из того технологически важного, что ему удалось извлечь, прояснялось только благодаря их сопоставлению. К тому же, он внимательнейшим образом изучил принцип работы электродинамических машин доктора Шума, сверхбыстрое вращение которых позволяло этим машинам парить в воздухе, создавая вокруг себя особое электромагнитное поле и даже изменяя течение времени; проанализировал все то, что предлагали миру в своих разработках конструкторы дискообразных самолетов Циммерман, Габермоль и Шривер¹⁶.

Прибыв в Ракетный исследовательский центр СС, в котором Шернер работал после того, как более 600 англо-американских «летающих крепостей» буквально стерли с лица земли большинство лабораторий, жилых помещений и стартовых площадок центра в Пенемюнде¹⁷, барон фон Браун буквально ворвался в его коттедж.

– У меня ужасно мало времени, доктор Шернер, – начал он без всякого вступления, – а поговорить нам следует основательно. О чем говорит вам вся эта ваша полумистическая канцеляристика? – до оскорбительности небрежно захватил он несколько листиков, которые главный дисколетчик рейха тотчас же вырвал у него.

– Она свидетельствует, барон фон Браун, о том, что в принципе я был на верном пути. – Шернер медленно поднялся из-за стола и остановился так, чтобы во второй раз Браун не смог прорваться к его бумагам. Теперь, пребывая в ракетном центре СС под патронатом его шефа, штурмбаннфюрера СС Эйнгеля, а главное, под личным кураторством Отто Скорцени, Шернер наконец по-настоящему почувствовал, что в действиях своих он свободен. Слишком уж навязчивым было попечительство со стороны Брауна там, в Пенемюнде, слишком уж Ракетный Барон давил на него своим авторитетом, а главное, своим невосприятием идеи создания дисколетов. – Осталось выяснить несколько принципиальных деталей.

– Каких именно? Не бойтесь, Шернер, я вам не конкурент. Как видите, я летающими дисками не увлекаюсь.

– Например, уже сейчас ясно, что фрейбургский диск принадлежит то ли к иной, довольно устаревшей модели дисколета, созданной той же цивилизацией, с которой удалось установить контакт Неземной Марии, то ли речь идет о творениях разных цивилизаций, пришедших к принципиально одинаковому решению своей транспортной проблемы.

– Понятно, в любом случае вы получили нужную вам подсказку и готовы работать над новым проектом своего «шернеролета», как его окрестил Скорцени.

– В любом случае я пришел бы к тому же решению, к которому пришли разработчики этого аппарата где-то там, в иных мирах.

¹⁵ Согласно одной из версий, в 1936 году в районе германского города Фрейбурга потерпел катастрофу НЛО, изучением которого были заняты инженеры из тайного общества «Врил», коим якобы удалось разгадать секрет работы двигательной установки. Однако воссоздать ее в земных условиях они не смогли.

¹⁶ Такие конструкторы и такие проекты действительно существовали.

¹⁷ Речь идет о налете англо-американской авиации на ракетный центр в Пенемюнде в августе 1943 года, после которого восстановить весь потенциал центра немцам так и не удалось и основные его лаборатории и конструкторские бюро были перенесены в подземный лагерь «Дора» в горе Конштайн горного массива Гарц.

– Не уверен, но допускаю. – Шернера эта фраза могла бы ранить значительно больше, если бы он не знал, что пользуется ею Ракетный Барон довольно часто, даже оценивая свои собственные проекты.

– Придется соглашаться, – как можно тверже заявил Шернер.

«Не уверен, но допускаю», – ему уже не раз приходилось выслушивать эту присказку барона, однако всякий раз она на какое-то время выбивала его из рабочего ритма, вот почему Шернер так опасался ее и вот почему так избегал встреч с самим Брауном. Было в этом человеке что-то такое, что после каждой встречи с ним заставляло Шернера вспоминать все, что он знал об энергетическом вампиризме. Вспоминать-то он вспоминал, однако противостоять брауновскому вампиризму так и не научился.

– Поймите, Шернер, я не возражаю против разработки проекта дисколета, мало того, я считаю его очень перспективным. Но вы сами могли убедиться, как трудно его финансировать. Неминуемо возникает дилемма: ракеты или дисколеты? Но индустрия дисколетов – это в будущем, довольно далеком будущем, а ракеты Германии нужны сейчас, уже завтра, в огромном количестве, причем такие, которые бы достигали Лондона, Москвы и Нью-Йорка. С такой постановкой проблемы вы согласны?

– В принципе согласен, однако наука не может...

– Никаких «однако», Шернер! Будем считать, что мы уже пришли к единодушию. Вы сворачиваете проект своего «шернеролета» и продолжаете работать над ракетной программой, над которой уже работали.

– А если я не вернусь в эту программу?

– Но почему? Существуют интересы Германии, которые, конечно же, должны быть выше ваших собственных амбиций.

– Это уже демагогия, барон, которая ко мне никакого отношения не имеет. Работая над проектом дисколета, я точно так же забочусь об интересах Германии, как и вы. Но если ваши боевые ракеты так и останутся боевыми и будут служить только войне, то дисколеты – это еще и универсальное средство межконтинентального и межпланетного сообщения. Это соединение самолета, космического корабля и субмарины, поскольку среда передвижения для моих дисков не будет иметь никакого значения.

– Вы ждете, что я стану полемизировать с вами? Нет. Хотя замечу, что первые космические полеты человечество будет осуществлять не на ваших «шернеролетах», а на ракетах Брауна. В космос человек прорвется на той многоступенчатой ракете, которую я пока что готовлю для атаки американских берегов. Специальная кабина для астронавтов, установленная на такой мощной ракете, способна позволить человеку проинспектировать орбиту Земли. Благодаря этим ракетам мы сможем создавать орбитальные станции, которые будут без всякого горючего в течение многих месяцев летать на околоземной орбите. Благодаря ракетам мы достигнем Луны и создадим там базу землян, со стартовой площадки которой наши корабли будут уходить в сторону Марса и Венеры.

Дождавшись, пока барон умолкнет, Шернер самодовольно улыбнулся и, только теперь жестом предложив гостю кресло, сам тоже вернулся к столу.

– Вот видите, как все просто, господин Браун: вы требуете свернуть космическую программу создания дисколетов ради того, чтобы полномасштабно развернуть космическую программу ракетостроения. Вы навязываете нам ракетную идеологию освоения космоса в противовес, условно говоря, дисколетной и при этом, глядя мне в глаза, заявляете, что не собираетесь полемизировать со мной.

Браун удрученно молчал, он был крайне разочарован их встречей и даже не пытался скрывать этого.

– В науке, в исследовательских работах своих, Шернер, мы неминуемо будем полемизировать. И это совершенно естественно. Однако не надо быть провидцем, чтобы предвидеть,

что эта война закончится не только крахом германской армии, она завершится крахом самой Германии как государства. Нас буквально разорвут на части, затопчут и выжгут, а всех тех, кто создавал оружие возмездия, то есть таких пенемюнденских умников, как мы с вами, скорее всего, перевешают. То ли враги наши, из чувства мести, то ли наши нынешние покровители – чтобы наши мозги и наши идеи не достались врагу.

– Так что вы предлагаете? Уже сейчас, еще до краха Германии, бежать в Англию вслед за Гессом?

– Я не предатель и не безумец, маркграф Шернер. Существует и более близкая и реальная угроза. Если вы потребуете солидного государственного финансирования своих разработок – а вы их, конечно же, потребуете, – то в конечном итоге денег не хватит ни на ракетную, ни на дисколетную программы. Мы с вами окажемся не в состоянии решать военные проблемы страны, а значит, дадим проглотить себя тем, кто и сегодня уже неплохо зарабатывает на строительстве самолетов, танков и субмарин. Геринг, Дениц и танковые генералы только и ждут, чтобы наброситься на нас, как на бездарей и расхитителей народных денег, которые только и способны, что убаюкивать фюрера и весь германский народ баснями о создании некоего оружия возмездия. А такие обвинения в нашей стране обычно заканчиваются концлагерем или петлей во дворе гестаповской тюрьмы. Я достаточно ярко обрисовал вам нашу общую перспективу, Шернер? Подчеркиваю: общую!

– Ярко, но не очень убедительно.

– То есть вы ждете, когда я стану вам угрожать... – констатировал Браун, давая Шернеру возможность возродить в своей памяти пенемюнденскую молву о жестокой мстительности Ракетного Барона и о его особом умении убирать со своего пути каких угодно конкурентов и недоброжелателей. Браун прекрасно знал об этих слухах, однако не только не пресекал их, но, наоборот, всячески поддерживал, исходя из принципа римских цезарей: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!»

– А вы действительно решитесь угрожать мне? – сделал Шернер ударение на слове «решитесь», и при этом оба конструктора возродили в памяти облик одного и того же человека – личного агента фюрера по особым поручениям, обер-диверсанта Отто Скорцени.

– Нет, я дам вам время подумать, – медленно выдавливал самого себя из кресла Ракетный Барон, пристально, испепеляюще глядя при этом в глаза Шернеру.

Но именно в эту минуту на столе маркграфа ожил телефон, и первыми словами, которые фон Брауну пришлось услышать, были:

– Да, господин Скорцени, я узнал вас по вашему своеобразному голосу.

Поняв, что на этом этапе космического марафона он проиграл, Браун воинственно набылся и, выходя из коттеджа Шернера, хлопнул дверью так, что все это дощато-бревенчатое строение заскрипело, словно под ударами ураганного морского ветра.

11

Уже перед отъездом в Берлин оберштурмбаннфюрер СС Фридрих Шмидт настиг кочевой лагерь командующего неподалеку от Эс-Саллума.

Пока он отсутствовал, занимаясь «сокровищами Роммеля», здесь двое суток бушевала песчаная буря, затем двое суток – сражение, которое прекратилось из-за... новой, еще более сильной песчаной бури.

Эту исчерпывающую информацию он получил на полевом аэродроме близ Тобрука, от словоохотливого ефрейтора из команды технического обслуживания, и решил, что ничего не потерял бы, если бы его командировка в рейх продлилась хотя бы суток двадцать. А не жалкие трое суток, которые ему были отведены приказом начальника штаба корпуса.

– Теперь командующий уж точно возьмет Каир, – пророчествовал аэродромный ефрейтор.

– Почему вы так решили? Хотя Каир, замечу, самое настоящее африканское дерьмо.

– Видел, как фельдмаршал метался по аэродрому, проклиная эту страну и угрожая зарыть в пески всю армию англичан. Живьем – в пески. А что вы хотите, это ведь не кто-то там, это – Роммель!..

– Всего лишь Роммель, – холодно заметил оберштурмбаннфюрер.

– Простите?.. – с интеллигентской вежливостью переспросил ефрейтор и был немало удивлен тем, что офицер СС ничуть не смутился, наоборот, ответ его был таким же, только еще более резким:

– Я сказал, что это всего лишь Роммель, – почти прорычал оберштурмбаннфюрер, вспоминая при этом о ревниво-высокомерном отношении к командующему «африканцами» рейхсфюрера СС Гиммлера. – И не более того.

– Вам виднее, – сник ефрейтор, как бы говоря: «С эсэсовцами разве поспоришь?» Но даже в состоянии полного смятения нашел в себе мужество возразить: – И все же согласитесь: Роммель – это Роммель... По Ливийской пустыне он прошелся, как Наполеон. Так что впредь полководцы грядущих войн будут проходить по ней уже как Роммель!

– Прикусите язык, ефрейтор, – снисходительно процедил барон.

– Так говорит генерал, – с вызовом человека, глубоко оскорбленного недоверием, заявил аэродромщик.

Шмидт не стал отвечать ему. Дождавшись вместе с двумя другими офицерами из штаба Роммеля попутной автоколонны, он отправился навстречу палящему ветру, все увереннее прорывающемуся из глубин безжизненного пустынного нагорья.

«Все они здесь свихнулись на Роммеле... – яростно взвинчивал себя оберштурмбаннфюрер СС. – На Роммеле и Бонапарте. Весь африканский легион этот мясник, Лис Пустыни, сумел превратить в бонапартистский; не солдаты рейха, а корпус свихнувшихся бонапартистов», – ворчал он про себя, осматривая из кабины грузовика открывавшуюся голубовато-белую полосу Средиземного моря.

Если бы еще несколько дней назад он услышал подобное ворчание из уст любого из офицеров, наверняка съездил бы ему по физиономии. У Шмидта, бывшего боксера, это как раз получалось неплохо. Тем более что он редко сдерживался в тех случаях, когда считал, что пора пускать в ход «наиболее веский» из аргументов.

Но эта поездка в Берлин должна многое изменить. Собственно, многое начало меняться уже с той поры, когда Гиммлер назначил его командиром «золотого конвоя», под охраной которого находились машины с картинами и драгоценностями. Шмидт так и не понял, почему Роммель остановился именно на его кандидатуре. Уж кто-кто, а его, прирожденного, как считал тренер, боксера, трудно было заподозрить в любви к искусству, а тем более в знакомстве с ним.

«Впрочем, – вдруг поймал себя на этой мысли отставной боксер, – может быть, именно потому и была избрана твоя кандидатура, что Роммель знал: ты на какое-либо произведение искусства не позаришься, поскольку ни черта в нем не смыслишь! Если он рассуждал именно так, тогда все логично. Иное дело, что сама логика эта сомнительная, поскольку под рукой у меня всегда есть несколько очкариков, способных отличить произведение искусства от поделки ремесленника, – тем не менее ответ на свой вопрос ты получил».

А спустя несколько дней после этого назначения со Шмидтом возжелал встретиться начальник службы СД и гестапо при Африканском корпусе штандартенфюрер СС Цольке. Поначалу беседа вроде бы не ладилась. Штандартенфюрер говорил как бы ни о чем, а значит, ясно было: знакомится, прощупывает, выясняет его взгляды и проверяет на «устойчивость». Понадобилось минут десять разговора впустую, чтобы Цольке, наконец, заявил, что утром он связался с Гиммлером и что Гиммлер лично заинтересовался его, Шмидта, персоной.

– Чем это может кончиться для меня? – прямо спросил тогда барон гестаповца.

– Всем самым хорошим, если вы сегодня же дадите письменное согласие сотрудничать с нами. И подадите рапорт о переводе вас в войска СС.

– Но в таком случае мне трудно будет убеждать кого-либо, что я давно мечтал об этом.

– Мечтали, подполковник, мечтали. И даже высказывались по этому поводу вслух в кругу офицеров. Почему вы этого стесняетесь?

Шмидт мог поклясться, что никогда ничего подобного в кругу офицеров не говорил. Но сейчас это не имело значения. Он понимал Цольке: эта легенда об офицере вермахта, страстно желавшем стать членом ордена СС, нужна была сейчас им обоим, она нужна была для всех, кто знал Шмидта. Но главное, что она создавалась для Роммеля, а возможно, и для Гиммлера.

– Но чтобы вступить в СС, мне понадобится побывать в рейхе.

– Фронтовики мы принимаем в СС прямо здесь, в Африке. Но в рейхе вы, конечно же, побываете. Как только это понадобится рейхсфюреру.

– Может быть, вы еще и объясните, почему рейхсфюрер заинтересовался моей особой?

– Потому что еще раньше вами интересовались мы, гестапо. Лично я. Вы не спрашиваете, почему вами заинтересовался я? – Африканская жара никак не воздействовала на этого толстяка. Он раздавался вширь так, словно пребывал на южном курорте.

Правда, он и направлен-то был сюда лишь месяц назад, и как по нынешним временам на почти что курортную должность. Но уже чувствовал себя старым фронтовиком. И всячески подчеркивал это.

– Следовательно, ваш интерес связан с моим новым назначением?

– Вы догадливы, подполковник.

– При этом вы не желаете, чтобы о проявлении вашего интереса узнал фельдмаршал Роммель.

– На этот вопрос я отвечу вам так: для меня куда важнее, что интерес к вашей особе рейхсфюрера Гиммлера тоже связан с вашим новым назначением. Такой ответ вас устроит? А теперь подумайте, стоит вам портить настроение сразу двум маршалам и одному скромному служащему гестапо?

– Пожалуй, вы правы.

– Не скрою, ответом вашим я удовлетворен. И пусть вас не пугает то, – слегка понизил голос штандартенфюрер, – что очень скоро придется выбирать между Роммелем и Гиммлером.

– Не приведи Господь, – вполне естественно ужаснулся Шмидт, – оказаться перед таким выбором!

– Но вы уже оказались перед ним.

– Для меня это ошеломляющая новость.

– А посему мой вам совет: не изнуряя себя лишними размышлениями, выбирайте Гиммлера.

– Но ведь рано или поздно фельдмаршал узнает об этом.

– Он и должен будет узнать об этом.

– Трудно предугадать, каковой будет его реакция.

– Роммелю это не понравится.

– А раз не понравится, он меня сместит с этой странной должности – начальника «золотого конвоя Роммеля».

– Захочет сместить, но побоится. А посему вынужден будет смириться. А то, что как офицер СС вы привержены своему рейхсфюреру... Кто посмеет обвинить вас в этом? Тем более что формально этот выбор ни к чему вас не обязывает. Иное дело, если бы вам пришлось выбирать между Германией и Великобританией. Или такой выбор тоже возник? – вдруг резко повысил тон Цольке.

– Не понимаю, о чем вы, господин штандартенфюрер.

– Что тут понимать? С той поры, как вы оказались носителем тайны «золотого конвоя Роммеля» – вам цены нет. За вами будут охотиться все: от разведок арабских стран, хотя я сомневаюсь, что таковые у них наличествуют, до сицилийской мафии. Поэтому я и спрашиваю: английская разведка на вас уже выходила?

– Нет, не выходила. В связи с чем появилось это подозрение?

– Слишком неуверенно вы произносите это свое «не выходила».

– Никто из англичан на меня не выходил, – попробовал барон произнести уже более уверенно.

– Когда вы лжете на исповеди у пастора, – бульдожьей хваткой вцепился в него офицер службы безопасности СС, – Господь вам это простит, ибо Он к этому привык. Но когда вы решаетесь лгать СД или гестапо!.. Тут уж Господь бессилен. Не мямлите, Шмидт, не мямлите! С английской разведкой мы как-нибудь разберемся, а тот выбор, который вам предстоит сделать сейчас, как я уже сказал, ни к чему не обязывает.

Шмидт не поверил ему. Знал, что обязывает. И что, потеряв к нему доверие, фельдмаршал Роммель сделает все возможное, дабы избавиться от него. Причем самым радикальным образом.

Все это так, но ведь и Гиммлер тоже не станет уговаривать его. И на силы небесные оглядываться не будет – не таков этот человек.

– Учтите, что, вступив в ряды СС, вы тем самым, по существу, выйдете из прямого подчинения Роммелю, – попробовал успокоить его штандартенфюрер, тонко уловив, какие страхи гложут сейчас душу бравого «хранителя сокровищ Роммеля».

– Можете считать, что выбор я уже сделал, – ответил Шмидт, прежде чем действительно сделал его... этот выбор.

12

Шум от удара дверью, которым Ракетный Барон фон Браун завершил свой неудачный визит к упрямому и явно зазнавшемуся творцу «шернеролета», донесся и до слуха Скорцени.

– У вас там что, штормит, а вы забыли закрыть дверь? – спросил он.

– Можно сказать и так. – Молвив это, маркиграф фон Шернер поначалу решил было этим и ограничиться, но, подумав, что самое время открыть глаза своему патрону на взаимоотношения с руководителем Пенемюнденского центра, с нескрываемой иронией добавил: – На самом же деле это разбушевался Вернер фон Браун. Поэтому здесь были настоящие порывы урагана, по принципу «буря и натиск»!

– Он все еще где-то рядом?

– Вряд ли. Наверняка уехал. Разговор выдался тяжелым, а точнее, вообще не сложился.

– И что же привело его к вам? – насторожился Скорцени.

– Не знаю, стоит ли рассказывать об этом, – явно лукавил Шернер, зная, что на самом деле стоит. Он прекрасно понимал, что Браун на этом не остановится и действия его следует тактически упреждать.

– Выкладывайте, причем очень быстро. Хотя нет, не по телефону. Нам все равно нужно встретиться. Обнаружились следы фрейбургского дисколета.

– Неужели?! Так это же прекрасно! – возликовал Шернер, давая понять, что о Вернере, с его «бурей и натиском», окончательно забыто; для общения со Скорцени существуют темы поважнее.

– Увы, самого дисколета уже нет.

– Но он был?!

– Вне всяких сомнений!

– Куда же он девался? Куда он вообще мог деваться в этой стране?

– По этому поводу можно выражаться и похлеще, но... Минут через двадцать на вашей посадочной площадке приземлится «Физелер Шторх», который доставит вас во Фрейбург, откуда я, собственно, и звоню. Мы побываем на месте, где этот аппарат хранили, точнее, скрывали, а главное, у вас появится возможность встретиться с местным инженером, принимавшим участие в восстановительных работах этого, как они здесь называют, звездолета.

– Это очень важно, господин Скорцени, – еще больше заволновался Шернер. – Ничто не может заменить рассказ очевидца, тем более – инженера.

– Заодно поговорим о некоторых любителях «бури и натиска».

Самолетика он дождался, уже стоя у посадочной полосы. Пролетая над руинами городов, пепелищами сел и забытыми воинскими эшелонами железнодорожными станциями, Шернер благодарил судьбу, что она не швырнула его в крематорийную топку «восточной бойни» и что даже те аппараты, которые он пытается создавать, в этой войне – по крайней мере, в этой – задействованы не будут.

В отличие от Брауна, который давно и безнадежно увяз в военных заказах и фронтовой истерии, Шернер стремился дистанцироваться от всего, что происходило на фронтах, убеждая себя, что занимается чистой наукой. И что плоды этих занятий одинаково важны для человечества по обе стороны Ла-Манша, Атлантики и даже Уральских гор, к которым еще недавно фюрер так фанатично стремился.

– Звездолет приземлился вон там, в этой низине между холмами, – указал инженер Раднер на живописный лужок, с двух сторон к которому дотягивались подножия холмов, а с третьей подступал небольшой лес. – Судя по тому, что аппарат не стоял на колесах или каких-то ножках, а лежал на «пузе», одной стороной зарывшись в грунт, приходим к выводу, что он потерпел катастрофу. Однако, терпя бедствие, экипажу все же удалось более или менее удачно

спланировать и аварийно приземлиться. Что случилось с пилотами, я не знаю. Они то ли ушли в лес, а оттуда были эвакуированы некоей инопланетной спасательной командой, то ли арестованы полицией или гестапо, – вопросительно взглянул он на невозмутимо стоявшего рядом, на небольшом валуне, Отто Скорцени.

– Выяснял. Экипаж исчез. Комиссия пришла к выводу, что он состоял из трех пилотов. Сам аппарат был обнаружен спустя почти двое суток после его приземления, однако никто никаких странных особей в окрестностях не видел. Звездолет никуда отсюда не увозили. Это была огромная махина, радиус которой достигал семи метров, а высота шести метров, и весила она, по прикидкам, порядка двадцати тонн. Решено было никуда не перемещать ее, а прямо здесь укрыть, в дощатом ангаре. Местность тут же оградили и выставили охрану.

– Я тогда выдвинул версию, – вновь заговорил Раднер, – которая, правда, была осмеяна другими членами комиссии...

– Так-так, – оживился Шернер, – что за версия? Не волнуйтесь, я готов к рассмотрению любого предположения.

Прежде чем ответить, инженер вновь вопросительно взглянул на Скорцени.

– В этом кругу – можно, – обронил тот, давая понять, что запрет на разглашение государственной тайны, которую инженер клятвенно обещал хранить, на время снят.

Раднеру уже было под пятьдесят. Это был тщедушный мужичок с запавшей грудью и изможденным лицом человека, страдающего какой-то неизлечимой болезнью. А еще Шернер успел узнать, что почти год инженер провел на Восточном фронте, где и лишился кисти левой руки: хирургам пришлось ампутировать ее после обморожения.

– Я предположил, что пилотируют подобные аппараты не люди, то есть, вернее, не сами инопланетяне, а биологические куклы, искусственные биологические создания¹⁸, создавать которых мы с вами пока еще не научились.

– Вполне допускаю, – согласился Шернер. – При их-то уровне развития науки... Но что из этого следует?

– А то, что, в случае аварийной посадки или угрозы пленения, эти искусственные космочеловечки запрограммированы на самосожжение. Если мы своим разведчикам вручаем капсулы с цианистым калием, заранее программируя их на самоубийство, то почему бы не допустить, что точно так же, только на генетическом уровне, программируются и эти космочеловечки?

– Только у них задача посложнее: самоликвидироваться следует таким образом, чтобы землянам не доставались даже тела погибших, – поддержал его Скорцени. – Инопланетянам очень не хочется, чтобы мы знали их технику и даже строение их тел.

– В данном случае – строение искусственных тел. Это секрет их генетиков. То есть я предполагаю, что космочеловечки попросту самосожглись.

– Пепел кто-нибудь видел, его исследовали? – поинтересовался Шернер.

Скорцени и инженер переглянулись.

– Не видел, не исследовал. Сейчас, в управлении СД, вы ознакомитесь с актом комиссии, копию которого мне еле удалось вырвать из архива «Аненербе», а точнее, из архива общества «Врил». Но я внимательно прочел: о пепле там ни слова. Может, самосожжение происходило где-то вдали отсюда, после того как пилоты попытались вызвать спасательную команду.

– А анализ грунта на месте падения сделали? Возможно, там оказались остатки какого-то горючего, какие-то вещества неземного происхождения.

– Упоминается, что делали, однако результатов этого анализа нет. Следует понимать так, что ничего важного не обнаружили.

¹⁸ Здесь имеется в виду понятие «биологические роботы». Однако само это понятие – робот – вошло в наш научно-технический обиход уже после Второй мировой войны.

Они обошли место падения дисколета, на котором даже вмятина от корпуса аварийной машины давно заросла травой; осмотрели ближайшие валуны, торчащие из холма, едва заметную тропинку, уходящую в сторону леса.

– Конечно, столько лет прошло... – понимающе молвил инженер, чувствуя, что конструктор осмотром разочарован. – Тем более что делалось все это в какой-то – вы уж извините за откровенность, господин Скорцени, – дичайшей секретности.

– Вы, Раднер, пытались разобраться в энергосистеме дисколета? Я верно понял?

– В электросистеме, – уточнил Раднер. – Подчеркиваю, в электро...

– Какое это имеет значение? – недовольно проворчал штурмбаннфюрер. – Вы же инженер-энергетик.

– Электротехник. Те, кто поручал мне исследовать кабину, тоже считали, что это не имеет значения – по какому виду энергии я специалист. Но единственное, что я способен был установить, – что никаких следов источника электроэнергии, электропроводки и электроприборов в кабине этой машины не было. Поэтому я представления не имею, какую энергию они использовали, скажем, хотя бы для освещения кабины ночного пространства вокруг диска. Очевидно, каналы прохождения энергии были в самом корпусе машины и проходила она, скажем, по серебряным или из какого-то иного металла сделанным нитям.

– Хорошо, а внутри двигателя?

– При мне члены комиссии так и не смогли попасть в саму машину. Там все было упрятано в коробки из сверхпрочного металла, и капота как такового, чтобы можно было открыть и покопаться в моторе, там не было. То есть он, естественно, где-то был, однако при мне эти мудрецы из какого-то тайного общества обнаружить его так и не сумели. Или же не сумели открыть. А потом он исчез.

– Каким образом?

– Это уже вопрос к нашей службе безопасности, – пожал плечами Раднер.

Скорцени остановился возле обугленного пенька, все еще выступавшего на том месте, где в землю была врыта одна из несущих опор деревянного гаража, попинал его носком сапога, что-то проворчал про себя, философски осмотрел поднебесье над холмами, словно ждал, что из него вот-вот появится кем-то угнанный дисколет... И, только убедившись, что небеса и впредь намерены безмолвствовать, признал:

– Да, действительно, исчез. Произошло это под утро. Пришла смена караула и видит: вместо гаража – пепелище, машины нет, двух часовых – пост был усиленным – тоже нет. Комиссия утверждает, что гараж был сожжен мгновенно, каким-то неведомым нам пучком энергии, выпущенным, очевидно, такой же мощной машиной, как и та, что потерпела аварию. А наш дисколет инопланетяне попросту унесли в небо.

– Или, может быть, сожгли? – спросил инженер.

– Остатки сожженных опор виднеются до сих пор, – заметил Скорцени. – Пепел был. Даже от древесины. Не много, правда, но все же обнаружили. Значит, от такой машины, как дисколет, от этой огромной массы металла, состоящего из неизвестного нашим металлургам сплава, тоже должно было что-то остаться. Однако ничего тогда эксперты так и не нашли.

– Тогда надо бы встретиться с членами комиссии, – сказал Шернер.

– Не советую, – сухо ответил Скорцени. – Для этого вам придется отправиться на небеса. Комиссия состояла из пяти человек. Двое из них погибли в концлагере, двое умерли своей смертью. Один, руководитель комиссии, попал в психиатрическую лечебницу и там покончил жизнь самоубийством.

– Словом, случай подбросил нам машину из нашего будущего, однако мы им так и не воспользовались.

– Почему же, частично сумели. В докладе говорится о том, что принцип работы двигателя удалось разгадать. То есть следует полагать, что в общих чертах в принципе работы двигателя

наши мудрецы вроде бы разобрались. Увидим, что вам, Шернер, удастся выудить из их доклада. Делать нам здесь больше нечего: поехали, ознакомьтесь с выводами комиссии, исследовавшей диск.

13

Формальности, связанные с приемом в ряды СС, много времени не заняли. Тем более что, вопреки опасениям Шмидта, никто в его родословной копать не стал. Или же, наоборот, еще до беседы с ним Цольке в ней покопались настолько основательно, что, ознакомившись со всем нарытым его подчиненными, Гиммлер приказал выводы соответствующей комиссии штаба СС сжечь и забыть.

Как бы там ни было, а в Берлин Шмидт прибыл в приподнятом настроении. И все было бы хорошо, если бы не люди, предусмотрительно посланные по его следу самим фельдмаршалом. Оказывается, они тоже успели кое-что нарыть, поэтому не было ничего удивительного, что перед вылетом Роммель, узнавший о скором перевоплощении «хранителя сокровищ» в офицеры СС, потребовал его к себе. И хотя командующий вел себя довольно сдержанно, все равно, вспоминая об этой встрече, барон до сих пор нервно вздрагивает.

...Фельдмаршал только что вернулся из танкового полка, находясь в котором, оказался в центре боя с заблудившейся бронетанковой колонной англичан. В штаб он прибыл в одежде обычного танкиста, с грязным от копоти лицом и в кровь исцарапанными и такими же грязными руками.

Шмидт знал, что фельдмаршал уже несколько раз оказывался в самой гуще боя, при этом не только не выказывал штабистской робости, но и, наоборот, впадал в солдатский азарт, порождая затем в солдатской среде легенды о своей храбрости и неуязвимости, которые очень импонировали Лису Пустыни.

– Так до меня дошли слухи, что вы вступаете в СС? Или даже вступили в ряды доблестных «отрядов охраны партии», – прохрипел Роммель, едва Шмидт переступил порог особняка, принадлежавшего некогда местному сборщику податей.

– Я давно ходатайствовал об этом, – ответил барон именно так, как того требовал, прослышав о его визите к фельдмаршалу, штандартенфюрер Цольке.

– Вы меня страшно удивили, «ходатай», – иронично заметил Роммель, прямо из горлышка попивая охлажденное вино.

– Был уверен, что вам давно известно об этом, и, зная ваше благосклонное отношение к войсковой элите СС...

Услышав о своей благосклонности «к войсковой элите СС», Роммель брезгливо повел рукой, словно отмахивался от тучи саранчи. Фельдмаршал не сомневался, что в СД ни для кого не секрет, как именно он относится ко всей этой показухе с созданием неких элитных дивизий так называемых «зеленых СС», однако разуверять Шмидта не стал.

– Мы не будем обсуждать сейчас степень моей благосклонности к СС, подполковник, – упорно не желал фельдмаршал признавать его эсэсовского чина.

– Как прикажете.

– А теперь, значит, отправляетесь на прием к Гиммлеру?

– Как мне было приказано рейхсфюрером.

– И что еще вам было приказано рейхсфюрером, подполковник?

С ответом Шмидт не спешил. Он понимал, что фельдмаршалу следует дать или выговориться, или опомниться и признать реальность происходящего.

Удивленный его упрямой паузой, Роммель тоже умолк. В общем-то, Шмидт уважал этого человека. Несмотря на свое увлечение боксом, Шмидт еще в школе решил, что станет офицером, то есть пойдет по стопам многих в его баронском роду. И фельдмаршалу прекрасно было известно, что в свое время он, барон Фридрих Шмидт, закончил ту же Дрезденскую пехотную школу, в которой какое-то время служил инструктором он, Роммель.

Правда, к тому времени, когда Шмидт был ее кадетом, Роммель уже преподавал в Потсдамской военной академии, однако Шмидт, как и многие его сверстники, был наслышан об этом суровом боевом офицере, получившем в годы Первой мировой два Железных креста. А когда молодой обер-лейтенант Шмидт зачитывался по-солдатски увлекательной книгой Роммеля «Пехота атакует»¹⁹, сам будущий фельдмаршал, уже в чине генерал-майора, командовал батальоном личной охраны Гитлера.

– Все равно ценности придется переправлять в рейх, – сказал он Роммелю уже тогда, когда фельдмаршал сам не знал, как ему продолжить этот разговор с человеком, который уже завтра будет принят рейхсфюрером СС Гиммлером.

– Мы найдем способ спрятать их.

– Но ведь не собираемся же мы зарывать их где-то здесь, в африканских песках? Поэтому без СС, без покровительства Гиммлера, нам в любом случае не обойтись, – твердо заявил «хранитель сокровищ». Уже полупредавший его, фельдмаршала Роммеля, «хранитель».

– Почему вы вдруг решили, что не обойтись? Это вам Цольке внушил такую чушь?

– Дело не в Цольке. Если мы попытаемся обойти Гиммлера, тогда нам придется защищаться не только от него, но и от гросс-адмирала Деница, на корабле которого мы будем переправлять эти сокровища; и от рейхсмаршала Геринга, на самолете которого вам придется возвращаться в рейх; и от Бормана, не говоря уже о шефе гестапо Мюллере.

– Стоп-стоп, барон, ну-ка, повторите, что вы там сказали о сокровищах Роммеля, зарытых в африканских песках? Вы хоть догадываетесь, подполковник, что подали прекрасную идею? Представляете, сколько романтических легенд будет сложено о «зарытом в Ливийской пустыне золоте Роммеля»?! О кладах известнейших морских пиратов древности просто забудут!

– Да уж, – скептически «поддержал» его барон.

– А скольких авантюристов поглотят пески этой великой пустыни, прежде чем будут обнаружены хоть какие-то следы роммелевского клада! – наслаждался собственными фантазиями фельдмаршал, не придавая значения реакции начальника «золотого конвоя Роммеля».

Пока что фельдмаршал говорил это шутя, он всего лишь предавался фантазиям старого неисправимого авантюриста. На самом же деле в душе он уже соглашался со Шмидтом, что «золоту Роммеля» срочно понадобился высокий покровитель в рейхе. То есть по существу Шмидт прав: обойти Гиммлера, а следовательно, обойтись без него в такой масштабной операции вряд ли удастся.

– Значит, вы тоже уверены, что не обойтись... – не спрашивал, а скорее констатировал командующий. И на сей раз тон его был спокойным и примирительным.

– Любой скандал, связанный с «золотом Роммеля», для нас будет крайне опасен – вот в чем я абсолютно уверен.

Роммель на минуту задумался, не забывая при этом о вине. Но если до сих пор фельдмаршал потягивал его в одиночку, то теперь расщедрился на стакан и для оберштурмбаннфюрера.

– А что, может, это и есть тот выход, которого я давно искал! Объединить наши с вами усилия – с возможностями рейхсфюрера...

– Более надежного патрона нам все равно не найти, господин фельдмаршал. Если же мы попытаемся действовать в одиночку и рассматривать сокровища как наши личные, Гиммлер, Геринг или командование Военно-морскими силами, к услугам которых мы так или иначе вынуждены будем прибегнуть, попытаются втравить в эту историю самого фюрера.

– Фюрера? Ну, это уж вряд ли.

– Почему?

¹⁹ Речь идет о книге Роммеля «Infanterie greift an», написанной на основании его фронтовых дневников и опубликованной в 1937 году.

– Да потому, что фюрер тотчас задастся вполне справедливым вопросом: «А почему я узнаю об этой операции последним?»

– И тогда Гиммлер объяснит, что сам лишь случайно узнал о коварных замыслах фельдмаршала Роммеля. После чего мы вообще можем лишиться всех сокровищ.

– Согласен, вы отправитесь на свидание с Гиммлером, – молвил Роммель таким тоном, словно и в самом деле мог решиться воспрепятствовать его отлету. – Но с условием, что будете выступать в роли моего личного представителя.

«И прекрасно! – мысленно возликовал барон. – Я и так намеревался делать вид, что являюсь вашим представителем, Роммель. Но теперь мне уже не придется лгать». А вслух произнес:

– Именно об этом, о таком статусе, я и намеревался просить вас, господин фельдмаршал.

– Следовательно, говорить вы будете от моего имени. А то я ведь запросто могу растерять все эти сокровища по ливийским пескам.

– Возможно, это было бы наиболее благоразумным из всего того, что мы можем принять.

Роммель взглянул на подполковника с нескрываемым любопытством. И Шмидт понял, что именно это его предположение окончательно развеяло подозрение фельдмаршала в измене.

– Вы, лично вы, уже попытались делать это? Только правду.

– Пока нет, – уверенно солгал подполковник. Он и в предсмертном бреду сумел бы вспомнить ту небольшую пещерку в скале, в тайнике которой припрятал несколько золотых безделушек, утаенных от личных шпионов Роммеля, имевшихся в его команде. – Но, очевидно, это тоже имело бы смысл.

– Захватывающая мысль. Однако боюсь, что после войны очень трудно будет воспользоваться этими кладами. Визы, досмотры в таможнях. Куда разумнее позаботиться о нашем благополучии уже тогда, когда сокровища окажутся в Германии. Я что, опять несправедлив? Кто-либо попытается осудить нас?

– Никто. Не посмеют. И когда мы, наконец, доставим сокровища в Европу, никто не помешает нам позаботиться о себе.

– Никто, – поддержал его Роммель. – Я что, несправедлив?!

– Но их еще нужно доставить туда, – резковато проговорил оберштурмбаннфюрер, в то же время напоминая фельдмаршалу, что доставлять все же придется именно ему, Шмидту. И рисковать тоже придется ему.

А когда начальник «золотого конвоя Роммеля» уходил, фельдмаршал неожиданно вновь вспомнил о песках Ливийской пустыни.

– Вот что, барон, – молвил он, – как бы ни складывалась ситуация, вы в любом случае должны распустить слух о том, что клады Роммеля приказано прятать в песках. Это хоть в какой-то степени будет отвлекать внимание искателей кладов от тех мест, где они в самом деле будут спрятаны.

* * *

...Однако все это, в том числе и поездка в Берлин, уже принадлежало прошлому, и с воспоминаниями покончено.

Часовой задержал оберштурмбаннфюрера у наспех выложенной каменной ограды, наподобие той, что была сооружена здесь когда-то давно кочевниками. За такими ограждениями, представляющими в форме четырехугольника, они устраивали себе привалы, спасаясь тем самым и от хищников, и от внезапного нападения пустынных разбойников.

– Командующий никого не принимает, – заявил он и сделал вид, что сразу же потерял к оберштурмбаннфюреру всякий интерес.

– В таком случае позовите адъютанта фельдмаршала. Скажите, что здесь его ждет оберштурмбаннфюрер фон Шмидт и что это срочно.

Часовой еще только решал, каким образом отделаться от назойливого эсэсовца, когда из ближнего шатра вдруг вышел тот, кто сейчас более всего нужен был Шмидту, – полковник Герлиц.

– Вы очень кстати, полковник.

– Я всегда кстати.

– Мне нужно увидаться с Роммелем.

Адъютант командующего подозрительно как-то осмотрел оберштурмбаннфюрера, словно видел его впервые, и процедил:

– Командующий приказал: «Никого»!

– Передайте, что здесь оберштурмбаннфюрер Шмидт.

– Вижу, что уже оберштурмбаннфюрер. Однако при всем том почтении, с которым фельдмаршал относится к мундиру офицера СС.

– Я прекрасно знаю, с каким «почтением» он относится к мундиру офицера СС, господин Герлиц, поэтому прекратите паясничать. Перед отлетом в Берлин я встречался с фельдмаршалом. У нас был длительный разговор...

– ...Произведший на фельдмаршала неизгладимое впечатление.

– ...И что я только что прибыл из Берлина. Есть важное сообщение.

– Наслышан, что уже из Берлина, о котором нам, забытым в песках Ливийской пустыни, приходится только мечтать.

– Вы теряете время, полковник. Свое и мое. Передайте фельдмаршалу, что беседа с Гиммлером – та беседа, в которой он был так заинтересован, – у меня все же состоялась. После этого все его запреты отпадут.

– Сообщив ему об этом, я поражу воображение командующего, – еще более саркастически объявил этот худощавый нагловатый щеголь, который за все время их пребывания в Африке так и не снизошел до того, чтобы познакомиться со Шмидтом поближе, и на которого форма эсэсовца производила не большее впечатление, нежели балахон местного туземца.

– Вполне возможно, что и поразите.

– Фельдмаршал уже наслышан о вашем прилете и велел передать, что сможет принять вас в лучшем случае завтра. В лучшем... случае. А пока идите и занимайтесь подготовкой конвоя к отправке.

– Конвой – это дерьмо!

– Не скажите.

– Разве он уже готов?

– Естественно. Тем временем мы уже допустили утечку информации о том, что, дескать, германское командование спешно прячет в ливийских песках конфискованные у враждебных Германии шейхов и купцов драгоценности. Одному пленному английскому офицеру-интенданту, случайно подслушавшему разговор офицеров штаба Роммеля, мы даже позволили бежать.

– Чем сразу же натолкнули английскую контрразведку на мысль о грубо сработанной германцами дезинформации. Ну да что уж тут.

– Были и другие источники.

– Меня они не интересуют, полковник. Лучше скажите, куда намечено отправлять «золотой конвой Роммеля»?

– Поначалу в Тунис, затем – куда будет приказано. Ваша команда, господин оберштурмбаннфюрер, находится в пяти километрах отсюда, в поселке Мардун, что на берегу моря.

– Вернемся к моему сегодняшнему визиту к Роммелю. Скажите прямо: завтра я все же могу рассчитывать на тот, лучший, случай?

– Завтра – возможно, да. А вообще-то наши офицеры стараются как можно реже попадаться на глаза командующему, – смерил его насмешливым взглядом адъютант Роммеля. – И, поверьте моему опыту, поступают очень мудро.

Шмидт покачался на носках пожелтевших сапог, отглотнул из фляги воды и, промочив горло, выплюнул ее прямо под ноги полковника Герлица.

– Поселок Мардун, говорите? Этот поселок – дерьмо!

– Можете в этом не сомневаться.

– Как и все в этой одичавшей, выжженной стране, – поиграл желваками барон фон Шмидт.

14

Ванна была похожа на небольшой бассейн. Она охватывала почти весь зал, оставляя лишь узкую полоску ослепительно-белого кафельного помоста, на котором вдоль стен чернели несколько кресел, столик и два лежака.

Золотистые стены, золотистая латунь ванны, золото огромных старинных подсвечников, в которых тускло мерцали теперь электрические лампы-свечи. Их было слишком много, чтобы создавать в ванной интимный уют, и слишком мало, чтобы в достаточной мере осветить абрис утонченно скроенного тела женщины, медленно выходящей по ступенькам из воды.

Отто и Лилия стояли за дверью, сквозь стекло которой могли спокойно наблюдать за купающейся Альбиной Крайдер, в то время как она видеть их не могла. Фройнштаг подвела его сюда слишком рано, считая, что двойник Евы Браун уже вышла из ванны, и теперь Скорцени приходилось отводить взгляд, чтобы не казаться подглядывающим. Но в том-то и дело, что внезапно одолевшее любопытство не позволяло ему сделать этого.

– А женщина ничего... Красивая... – поиграла ему на нервах Лилия.

– Не нахожу.

– Он, видите ли, не находит... Фюрер находит, а штурмбаннфюрер Отто Скорцени – нет! Это как понимать?

– Для нас куда важнее выяснить, соответствует ли эта Лже-Ева Браун своему оригиналу.

– Как вы собираетесь это выяснять? Сравнительным методом? Ночь со Лже-Евой я вам, конечно, гарантирую, а вот с самой Евой Браун могут возникнуть определенные трудности.

– Я даже догадываюсь, какие именно. Однако метод остается тот же – сравнительный. Исключая постельные подробности. Поэтому меня интересуют сейчас не прелести Альбины Крайдер, а ее способность проникнуться идеями... м-м... – замялся Скорцени, не зная, как бы поделикатнее определить статус Евы Браун, – ну, скажем так, соратницы фюрера; ее мыслями и чувствами, ее фанатичной верой в идеи вождя всего воюющего человечества.

– А вы в этом уверены, мой штурмбаннфюрер?

– В чем?

– Ну, в том, что наш оригинал, то есть Ева Браун, проникнута фанатичной верой в фюрера?

– Вы хотите сделать заявление для службы безопасности СС? Обладаете фактами?

– Чисто женская интуиция.

– Или ревность. Как у тех ариек, которые бросаются буквально под колеса лимузина фюрера с криками: «Фюрер, я хочу родить от вас сына! Подарите мне истинного арийца!» и так далее, в том же духе.

Лилия Фройнштаг едва заметно улыбнулась, однако Скорцени так и не понял, что именно скрывается за этой глубокомысленной ухмылкой. Хотелось бы ему верить, что не воспомина-ния о том, как она сама бросалась под эти же колеса национал социалистического шовинизма.

– Не надейтесь, мой штурмбаннфюрер, – это ее «мой штурмбаннфюрер» звучало как-то по-особому призывно, словно команда генерала, бросающего свои полки на штурм очередной крепости, – исповеди в духе фанатичной арийки не последует.

– Это облегчает мою собственную участь.

– Не спешите облегченно вздыхать, ибо то, что вы сейчас услышите, может несказанно удивить вас. Это не я – фюрера, это фюрер просил меня родить ему этого самого... истинного арийца.

– Опасно шутите, Фройнштаг.

– Опасно, согласна. Но не шучу.

– Неужели?

– Не ради хвастовства. Просто так, к слову пришлось. Поэтому можете верить.

– Вот уж не ожидал услышать нечто подобное! – осипшим голосом проговорил Скорцени.

– Извлекайте из этого урок: никогда не провоцируйте любимую женщину на какие бы то ни было откровения! Никогда не делайте этого. Не решайтесь рисковать подобным образом!

Скорцени нервно подергал своей искореженной шрамом левой щекой, как это делал всегда, когда попадал в неловкое положение, и промолчал.

– Вот только я вам о просьбе фюрера никогда не говорила, – запоздало всполошилась Лилия Фройнштаг. – И подробностей от меня не ждите, – скороговоркой изымала эту тему из их разговора. – А что касается Альбины Крайдер, то уж поверьте мне, мой штурмбаннфюрер: если бы мы могли поменять оригинал и копию фюрер-Евы местами, от этого выиграли бы все: и фюрер, и все его окружение, а возможно, и вся Германия.

– Взять и подменить Еву Браун ее двойником Альбиной Крайдер?

– Уверена: Германия получила бы совершенно иного фюрера. И очень скоро поняла бы, кто же действительно правит рейхом. Причем все остальные, кто сегодня пытается управлять действиями и ходом мыслей Гитлера, в течение месяца были бы избавлены от этих хлопот.

– Считаете, что все настолько серьезно? – искренне удивился Скорцени.

– Вы же знаете, что такое мудрая женщина рядом с влиятельным, неуемно жаждущим власти правителем.

– И вы действительно считаете, что замена могла бы оказаться полноценной? – они встретились взглядами, и это уже были взгляды заговорщиков.

– Если бы так сложилась ситуация.

– Но если бы действительно сложилась?

– Отдаю себе отчет в том, что это тоже можно было бы истолковать как своеобразное покушение на фюрера, – вновь загадочно улыбнулась Лилия. – Но, кто знает, возможно, фюрер сам согласился бы на такую замену. Если с ним провести соответствующую работу. И поручить ее, скажем, Геббельсу.

– В любом случае вы ни с кем больше такую возможность обсуждать не должны.

– Естественно, мой штурмбаннфюрер. Но, чтобы больше не возвращаться к этой теме... Может, посмотреть на эту проблему глубже – и начать с замены самого фюрера на... Лжефюрера? И тогда уже проблема замены Евы решится сама собой. Или, наоборот, сначала заменить Еву, а уж Лже-Ева будет горячо узнавать и признавать Лжефюрера.

– У вас потрясающая фантазия, Фройнштаг. Жаль, что обликом своим вы не похожи на Еву и Лже-Еву. Вот когда Германия по-настоящему содрогнулась бы.

– И можете не сомневаться: действительно содрогнулась бы. Однако оставим наши проекты. Для начала хотелось бы взглянуть на Лжефюрера. Что он собой представляет? Или, может, вы думаете, что нам пока что не стоит сводить их вместе?

Скорцени устало провел ладонью по лицу, помассажировал пальцами виски и настороженно взглянул на дверь, за которой все еще скрывалась от них, от фюрера и всего рейха новая, никому пока что не известная Фюрер-Ева – очень уж понравилось ему это определение Фройнштаг: Фюрер-Ева!

– Сейчас я жалею только об одном: что никогда не смогу заменить ту, настоящую Фюрер-Еву на самую достойную из возможных копий, в облике которой вижу только вас, моя штурмбанн-Лилия.

– А почему вы так безнадежно отбрасываете подобный ход? – без какого-либо кокетства осадила его Фройнштаг. – Еще все может быть. И внешность еще не самое главное. Главное заключается в том, чтобы, увидев меня, фюрер вновь вспылал страстным желанием заполучить наследника престола Третьего рейха в образе истинного арийца. Чтобы он вспылал этим желанием, увидев именно меня.

– Не доведи Господь.

– ...И не сомневайтесь: вспыхнет, – не собиралась щадить его мужские чувства Лилия. – В конечном итоге окружению фюрера совершенно безразлично, кто там предстает в ипостаси Фюрер-Евы. Или же, наоборот, совершенно небезразлично. В любом случае они вынуждены будут признать, что рядом с фюрером давно должна была оказаться именно такая женщина... в мундире офицера СС.

15

Ознакомившись с небольшим, всего на десяти страничках, докладом комиссии, Шернер мог лишь пожалеть о том, что все пятеро ее членов уже в потусторонних мирах, а то бы он задал им с десяток-другой наводящих вопросов.

– Эти аненербисты все начали сводить к мистике, – возмутился он, возвращая Скорцени копию, которая тоже подлежала особому хранению. – Среди них не было ни одного настоящего технаря, который бы понимал, что он имеет дело с техникой и технологией высшего порядка, и сумел бы нацеливать работу комиссии. Диск, конечно же, нужно было перевезти в какой-нибудь надежный бетонный бункер, который пришельцы не смогли бы сжечь; к нему следовало допустить широкий круг специалистов: химиков, металлургов, энергетиков, знатоков двигательных установок.

– Но хоть что-нибудь полезное для себя извлечь отсюда вы сумели? – помахал штурмбаннфюрер папкой с бумагами.

– Какие-то элементы – да. Причем еще раз убедился, что в своих поисках я иду тем же путем, которым шли конструктора пришельцев.

– Вот и прекрасно, Шернер! Творите свой «шернеролет», ваши фантазия и инициатива ничем не скованы. Кстати, чего добивался от вас барон фон Браун?

– Чтобы я отказался от разработки проекта дисколета и вернулся к нему в конструкторское бюро ракетчиков.

– Вы ни в коем случае не должны делать этого, Шернер!

– Хотя он в чем-то прав: мой проект уже не вписывается в потребности армии, я не успею создать свой дисколет до того, как завершится война. К тому же для Германии она, скорее всего, завершится трагически. И тогда неизвестно, кто сумеет воспользоваться моим проектом: англичане, русские или американцы. Но, кто бы им ни воспользовался, это грозное оружие будет направлено прежде всего против Германии, на подавление арийского духа.

– Вот об этом я и хочу поговорить с вами, маркграф фон Шернер, более основательно.

Они нашли небольшой пивной подвальчик недалеко от исторического музея, в котором хозяйничал старик баварец, на лацкане пиджака которого красовался Железный крест первой степени, добытый им в боях еще Первой мировой.

Он оценивающе осмотрел двух молодых людей и проворчал: «Не моего, унтер-офицерского, ума это дело, но в таком возрасте, и не быть в мундирах армии фюрера!» А ставя на их стол кружки с пивом, демонстративно пожимал плечами, продолжая мысленно рассуждать с самим собой.

– Вот он – неистребимый германский дух, круто замешанный на неугасимой баварской воинственности, – проговорил Шернер. – То, что он ставит нам на стол отвратительное пиво, – его не волнует, а то, что мы не в мундирах, – возмущает. Не понимая того, что каждый должен делать свое дело. Вы были на фронте, Скорцени?

– На Восточном. Чуть было не вошел в Москву.

– А я боюсь не столько фронта, сколько того, что вместе со мной погибнут мои идеи.

– Всякий творец должен думать не столько о своей собственной судьбе, сколько о судьбе своих творений.

– Но точно так же о судьбе его творений должна думать и родина творца.

– Вот видите, маркграф, вы сами подвели меня к тому разговору, ради которого я и наметил встречу с вами. Протоколы фрейбургской комиссии – всего лишь повод. Вы слышали о Рейх-Атлантиде, о том грандиозном строительстве, которое разворачивается сейчас во Внутреннем Море Антарктиды, в ее огромных пустотах – с прекрасным, постоянным климатом,

богатейшими залежами полезных ископаемых и полном отсутствии традиционных врагов Германии?

– Так, в общих чертах.

– Правильно, в общих. Поскольку строительство это ведется в обстановке строжайшей секретности. Часть этого Внутреннего Мира уже обжита потомками атлантов, уцелевших после гибели Атлантиды. В своем развитии атланты оторвались от нас на несколько столетий. В частности, они обладают дисколетами и иной, пока что недоступной нам техникой. Атланты помнят, что они арийцы, и готовы помочь нам создать в глубинах Антарктиды Четвертый рейх²⁰. Страну, в которой будет царить арийский дух, арийская кровь и арийская философия. Они заинтересованы в нашей, свежей и благотворной для них, арийской крови; в наших воинах, в наших интеллектуалах и, конечно же, в наших ведущих конструкторах. Сейчас мы перебрасываем в Рейх-Атлантиду тысячи рабов – военнопленных и много истинно арийской молодежи.

– Много молодежи – это правильно, – механически как-то произнес Шернер. Все это время он слушал Скорцени, так и не донеся кружку с пивом до рта. На какое-то время он попросту забыл о ней. – Я так понимаю, что вы станете фюрером Четвертого рейха?

– Я – фюрером?! Почему вы так решили?! – искренне удивился Скорцени. – Мне такое и в голову не приходило. Ни мне, ни Гитлеру, вообще никому.

– Напрасно, господин Скорцени. Вы – кумир молодежи. О вас много пишут в газетах и говорят по радио. Вы решительный и волевой человек. Молодежь пойдет за вами. У Третьего рейха есть свой кумир и свой фюрер. Такой же свой кумир и свой фюрер должен появиться и у Четвертого, последнего, действительно Тысячелетнего рейха.

Скорцени покачал головой, смерил Шернера почти таким же взглядом, каким бава-рец-бармен только что смотрел на него самого, и, вновь удивленно качнув головой, улыбнулся.

– Может быть, мы когда-нибудь вернемся к этой теме. А то я уже перестал понимать: кто кого агитирует за Рейх-Атлантиду. А реальность такова, что пока что наш фюрер Адольф Гитлер поручил мне отвечать за безопасность операции «База-211», как мы условно называем Рейх-Атлантиду. Поэтому я совершенно официально предлагаю вам дать свое принципиальное согласие на отбытие в Четвертый рейх, где вы сразу же становитесь ведущим авиаконструктором, а также основателем и руководителем Академии наук этого нового государства.

– То, что вы только что сказали об Академии наук, – это серьезно?

– Естественно.

– Почему не Вернер Браун?

– Мы оставим его американцам.

– Как это возможно?! – поразился услышанному доктор Шернер.

– А вы, естественно, хотели бы, чтобы Браун, наш Ракетный Барон, достался русским? Нет уж! Вместе с несколькими другими конструкторами, инженерами, техниками мы сдадим его американцам. Кое-кто, правда, достанется англичанам и русским. После чего все они решат, что захватили весь наш научно-технический потенциал рейха. Им и в голову не придет, что все самое талантливое научное ядро собрано у нас в Антарктиде. А значит, они подарят нам несколько десятилетий спокойной жизни и работы. Как видите, я с вами предельно откровенен.

– Благодарю за доверие, штурмбаннфюрер.

– Кстати, кроме всего прочего, атланты согласились поделиться с нами эликсиром долголетия, позволяющим жить до пятисот лет. Ну, нам с вами пятьсот уже не протянуть, это – для будущих поколений, но то, что лет двести нам будет отведено – несомненно.

– Отбывать туда нужно прямо сейчас? – встревоженно спросил Шернер.

²⁰ Подробнее об этом – в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

– Нет, думаю, что через несколько месяцев, когда угроза рейху станет еще более очевидной. А главное, мы хотим, чтобы вы прибыли в Рейх-Атлантиду, когда уже будет построена ее столица, создан испытательный авиационный центр, будет красоваться здание Академии наук. Зачем вам терпеть неудобства?

– Вы правы: ничто так не выбивает из колеи, как житейские неурядицы.

– И поймите: мы ведь уходим во Внутренний Мир не навсегда. Просто там мы создадим такую мощную страну и такую мощную, монолитную нацию, которая в любое время сможет вернуться на поверхность Земли, чтобы полностью завоевать все ее континенты.

Несколько минут они провели в молчании. Пиво действительно было отвратительным – теперь Скорцени убедился в этом. Оно казалось слишком горьким, с привкусом прелого зерна и еще чего-то такого, что смахивало на вкус пережаренных бобов.

– Не моего унтер-офицерского ума это дело, но все же я доложу вам: я тоже считаю, что это пиво недостойно истинного баварца, – неожиданно появился рядом с их столиком кельнер. – Но что поделаешь: все лучшее, что имеется из зерна, идет на хлеб. Теперь нам еще долго не знать вкуса ни хорошего пива, ни хорошего хлеба.

– И что вы предлагаете? – довольно мягко поинтересовался штурмбаннфюрер СС.

– Не моего унтер-офицерского ума это дело, но все же я вам доложу: учиться воевать – вот что я предлагаю. По-настоящему учиться воевать.

Скорцени и Шернер переглянулись. Они ожидали услышать все, что угодно: что старик станет жаловаться на суровые будни военного времени; на то, что из оккупированных стран приходит слишком мало зерна и прочих продуктов, что в окрестностях не осталось трудоспособных молодых мужчин, а потому сеять хлеб скоро будет некому. Действительно, все, что угодно, только не то, что он сказал.

– А я-то думаю: чего-то не хватает для полного восприятия вашего Железного креста, – саркастически молвил Скорцени. – Теперь понял: мундира солдата вермахта.

– Извините, господа, за назойливость, но все же скажу: надо очень хорошо думать, прежде чем начинать любую войну, а тем более – войну с Россией. Это я вам говорю как унтер-офицер Первой мировой, командир отделения артиллерийской разведки. Не моего унтер-офицерского ума это дело, но все же доложу: если уж ввязались в такую войну, то воевать надо так, чтобы мир содрогался не от наших поражений, а от наших побед.

– Мы запомним эти слова, господин унтер-офицер.

– А еще мне известно, что прибыли вы сюда, чтобы наконец разобраться с той машиной, которая когда-то грохнулась недалеко отсюда, между Готскими Могилами, как у нас называют эти холмы.

– И вы хотите нам в связи с этим что-то сообщить? – вмешался в их разговор Герман Шернер.

– Я живу на самой окраине городка, на четвертом этаже дома, в котором живут многие отставные офицеры. Так вот, со своего четвертого этажа я прекрасно наблюдаю вершины этих холмов. Не моего унтер-офицерского ума это дело, но все же доложу: мне кажется, что все дело в этих холмах. Слишком уж часто диски и прочие штуковины зависают над той ложбинкой, в которую упал тогда интересующий вас диск. Значит, что-то их здесь привлекает.

– Возможно, возможно... – поддержал его Шернер. – Но как вы думаете, что именно?

– Какая-то неведомая сила.

– Должны же у вас существовать какие-то легенды? Такие места всегда окутаны поверьями, легендами и всевозможной мистикой.

– Не знаю, никаких легенд слышать мне не довелось. А вот то, что слава у этих холмов дурная и что когда-то в долине между холмами собирались ведьмы со всей округи, – это у нас известно каждому.

– Ну вот, видите, уже кое-что, – подбодрил его Скорцени.

– А еще известно, что в средние века на этих холмах инквизиция сожгла добрый десяток ведьм. Их привозили сюда со всей округи и на вершинах холмов разводили костры. Всегда по два, на обеих вершинах. И сжигали по две ведьмы. Правда, меньше их от этого в наших краях не стало.

– Ладно, Бог с ними, с ведьмами! – молвил Шернер. – Я так понимаю, что вы жили в этом городке, когда один из дисков потерпел катастрофу?

– Жил.

– И бывали возле этого небесного диска?

– Тогда, когда полиция опрашивала местных жителей, я в этом не признался. Но теперь скажу: был. Уже после того, как пилоты оставили вершину холма и куда-то исчезли.

– Так вы видели пилотов?! – дуэтом закричали Скорцени и Шернер.

– Мельком, случайно. Это было в воскресенье. Утром я, как всегда, вышел на балкон, чтобы сделать зарядку, – армейская привычка. Тогда я еще не знал о падении дисколета и не видел его. Зато видел троих людей в каких-то странных серебристых костюмах. Я еще подумал: «Ты смотри, какую странную униформу придумали для наших летчиков! Никогда такой не видел».

– Почему вы сразу решили, что это летчики?

– Не моего унтер-офицерского ума это дело, но все же доложу вам, что здесь, рядом, в тридцатые годы был испытательный полигон, на котором испытывали новейшие самолеты. На нашем городском кладбище даже есть специальный участок – для погибших военных летчиков.

Скорцени и Шернер настороженно переглянулись. Сейчас они оба подумали об одном и том же: «Так, может, пришельцев привлекали не таинственные холмы, а новая техника, которую наши пилоты испытывали на местном аэродроме?!»

– И что произошло дальше? – первым пришел в себя Скорцени. – Куда эти пилоты девались?

– Понятия не имею. Не знаю, сколько они пробыли на этом холме до того, как я их увидел, но при мне они пробыли там минут пять. В это время на холмы нашла какая-то странная розоватая тучка. То ли тучка, то ли туман.

– Так все-таки: тучка или туман? – пытался выяснить Шернер.

– Не знаю, что это было на самом деле, но это был какой-то сиреневый кисель. Никогда ничего подобного я не видел.

– Хорошо, а когда тучка ваша кисельная развеялась...

– Когда она развеялась, пилотов на холме уже не было. Поначалу я думал, что они попросту спустились с холма, и не придавал этому значения. Ну а к обеду уже узнал, что между холмами упал звездолет и что пилотов обнаружить не удалось. Я поспешил туда. Местные полицейские знали меня, потому позволили приблизиться почти вплотную, что обошлось мне в четыре кружки пива. Только ничего особенного я там не разглядел. Огромный диск. Из какого-то серого, похожего на старое столовое серебро, металла.

– На столовое серебро? – жадно ловил каждое его слово конструктор «шернеролетов».

– Слегка напоминало его. А сверху на этом громадном диске – нечто похожее на пилотскую кабину, с иллюминаторами, как на морских судах. Ну а потом приехали полицейские откуда-то из Берлина, появилось много сотрудников гестапо. Нас предупредили, чтобы мы держали языки за зубами, а не то все отправимся в концлагерь.

– Нам вас сам Бог послал, – признал Скорцени, заказывая еще по кружке пива.

– А может, вы еще что-нибудь вспомните? – с надеждой спросил Шернер, прежде чем кельнер отправился выполнять заказ.

– Только то, что в это же время у меня снимал комнатку один странный тибетец, который постоянно ходил в зеленых перчатках.

– И это все его странности? – иронично уточнил маркграф.

– Да это же тибетский лама! – воскликнул Скорцени. – В Берлине его так и называли: Человек в зеленых перчатках.

– Точно, он говорил, что приехал из Берлина.

– А теперь попытайтесь вспомнить: он прибыл в городок уже после того, как дисколет потерпел крушение, или до этого падения?

– Тут и вспоминать нечего: дисколет упал ночью, а вечером этот ваш лама уже поселялся у меня.

– Как он объяснил причину своего появления?

– У нас хороший исторический музей. Лама этот назвался профессором и сказал, что будет знакомиться с какими-то очень интересными экспонатами. Потом смотритель сказал мне, что этого тибетца привлекала старинная хроника нашего города.

– Шернер, – многозначительно посмотрел Скорцени на маркграфа. – Хроника города. Очевидно, что-то связанное с Готскими Могилами.

– Понял, займусь.

– И куда этот лама потом девался?

– Не знаю. Очевидно, вернулся к себе в Берлин. Не попрощался, правда, но за комнату заплатил.

– Исчез, он, конечно, в ту же ночь, когда исчез дисколет?

– Как всегда, пообедал у нас, после этого, тоже как всегда, пошел в музей. Больше я его не видел. Да и музейный смотритель сказал, что в тот день лама вообще не навещался в их заведение. А ночью загорелся гараж и исчез сам звездолет. Но я не думаю, что отъезд ламы и исчезновение звездолета как-то связаны между собой.

– Как знать! – не согласился с ним доктор Шернер.

– Вот и я порой так думаю: «Как знать!» Не моего унтер-офицерского ума это дело, но, доложу я вам, странно все это. Кстати, после исчезновения звездолета аэродром наш испытательный, ко всеобщей радости горожан, перевели куда-то в другое место. Собственно, аэродром остался, но самолеты здесь больше не испытывают.

– Еще одна зацепка, – обратил штурмбаннфюрер внимание Шернера.

Пока кельнер наполнял их кружки пивом, Скорцени и Шернер молча смотрели друг на друга.

– Если то, что мы зашли именно в эту пивную, – всего лишь случай, то очень странный, не находите, Шернер? – оживился штурмбаннфюрер, когда хозяин заведения наконец направился к ним.

– В любом случае нам здорово повезло. По-моему, из рассказа этого некогда бравого унтер-офицера мы узнали значительно больше, нежели из доклада спецкомиссии.

Последних его слов Скорцени почти не слышал. С трудом дождавшись, пока медлительный, слегка прихрамывающий унтер-офицер приблизится к столику, он сразу же спросил:

– А почему вы не сказали нам о главном – каким образом вы узнали, что мы находимся здесь, чтобы выяснить, что произошло с дисколетом? Только не говорите, что вы опять стояли на своем балконе и все видели.

– При чем здесь балкон? – пожал плечами кельнер. – Вчера за этим же столиком и на том самом месте, на котором сидите сейчас вы, восседала сатанински прекрасная женщина по имени Мария. Я начал рассказывать ей ту же историю о пилотах на холме, но она прервала меня: «Завтра сюда придут двое господ офицеров, у одного из которых лицо будет разукрашено шрамом, меткой его безалаберной юности, вот ему вы все и расскажете. Только постарайтесь со всеми подробностями. Для них обоих это очень важно».

Скорцени откинулся на спинку кресла и невидящим взором уставился куда-то в потолок.

– Это не та ли Неземная?.. – начал было Шернер.

– Та, маркграф, та. И вся эта чертовщина мне уже начала надоедать. Скажите, унтер-офицер, давно последний раз на этих ваших Готских Могилах зажигали инквизиторские костры?

– Да пару столетий назад.

– Придется зажечь еще один, для поддержания традиции.

– Действительно традиции, – хитровато как-то ослабился кельнер. – И будьте уверены, что, если бы действительно дошло до костра, Мария даже не спросила бы, за что ее сжигают. Она ведь отсюда, из местных ведьм, которых так и не вывели.

– Так вы ее давно знаете?

– Хотя она и значительно моложе меня, но когда-то так влюбился в нее, что чуть в петлю не полез. Но это так, к делу не относится. А что касается костра инквизиции, то из рода Марии как минимум трех женщин на Готских Могилах сожгли – это точно.

– Это уже любопытно! – восхитился его рассказом фон Шернер. – Жаль, что я не знал о ее колдовской династии до «сеанса с богами».

«Нет, все-таки придется еще раз встретиться с этой странной женщиной, – молвил себе Скорцени. – Только смотри, чтобы эти твои визиты не кончились мучительным выбором между страданиями и петлей самоубийцы».

– И можете не сомневаться, что о звездолетах, которые летают над Готскими Могилами и падают на них с небес, эта чертовка знает значительно больше, чем у нее удастся выпросить. Уж не пойму: то ли боится говорить, то ли просто по-ведьмовски хитрит. Не моего унтер-офицерского ума это дело, однако доложу вам: у нас здесь всякие есть – одни на картах гадают, другие по рукам, по зеркальцам или на каком-то зелье. А вот как гадает Мария, этого никто понять не может. Но самое удивительное другое – все местные гадалки, ведьмы и чернокнижники боятся Марии, которую у нас так и называют Марией Готской. Причем боятся, но в то же время почитают. Вроде как мастера высшего класса, из высшей касты. Не знаю, чем она сейчас занимается, но два-три раза в год обязательно приезжает сюда и обязательно подолгу бывает на Готских Могилах.

– Так-так, и чем она там занимается? – подался к кельнеру через стол маркграф фон Шернер.

– Откуда мне знать?

– Неужели ни разу не подсмотрели?

– Когда Мария Готская приезжает сюда, все местные чернокнижники затаиваются, а некоторые просто бегут из города и окрестных деревень на несколько дней. И ходить вслед за ней на Готские Могилы никто не решается. Глаз у нее слишком черный. Местный пастор утверждает, что это она ходит туда, чтобы подзаряжаться. Для нее эти могилы – что-то вроде аккумуляторов. Так что рано мы костры эти инквизиторские на Готских Могилах погасили, – злорадно ворчал кельнер, возвращаясь к себе за стойку, – слишком рано.

– Не моего унтер-офицерского ума это дело, – шутя, скопировал кельнера Скорцени, когда они оставили его питейное заведение, – но обязан вам, Шернер, доложить, что придется нам с этой Неземной Марией Готской провести еще один сеанс. Только на сей раз богами и Высшими Неизвестными будем мы, пусть общается с нами.

16

Выглянув из своего штабного шатра, Роммель обнаружил, что адъютант воюет с каким-то прорывающимся к нему офицером, и позвонил на пост.

– К вам пытается пройти оберштурмбаннфюрер СС Шмидт, – доложил часовой, воспользовавшись тем, что офицеры отошли от его палатки, – однако господин адъютант не пропускает его.

– Пусть пока попридержит эту берлинскую выскочку, – проворчал фельдмаршал и положил трубку на рычаг.

Он вернулся в свое кресло за походным штабным столом, налил немного вина и разбавил его водой. То и другое было теплым и противным на вкус, но все же это была жидкость, а всякая жидкость ценилась на этом выжженном африканском солнце пустынным плато на вес... не золота, нет, а жизни.

В эти дни фронтового затишья, которое одинаково бережно поддерживалось обеими, истощенными боями и жарой, воюющими сторонами, Роммель все чаще обращался в своих воспоминаниях к тем временам его армейской славы, которые были связаны с Седьмой танковой дивизией, с которой в 1940-м он прошел чуть ли не половину Франции.

Седьмая танковая и – Франция! Какие это были трудные, но в то же время прекрасные времена! Начальником личной охраны фюрера он, тогда уже генерал-майор, стал после того, как возглавил военную академию. Поэтому перед ним, фронтовиком, еще относительно молодым генералом, имеющим опыт не только командования боевыми подразделениями, но и преподавания в двух академиях, а еще – автором популярной книги и любимцем, как тогда многие считали, фюрера, – открывались неограниченные возможности.

Когда после завершения польской кампании, фюрер уступил его просьбам и предложил самому выбрать себе должность, Роммель мог вернуться на должность руководителя академии, мог защищать докторскую диссертацию или же попроситься в штаб Верховного главнокомандования вермахта. Но он удивил всех, попросив назначить его командиром одной из танковых дивизий, с которой тотчас же отправился на фронт.

Он словно бы испугался, что и война с Францией тоже завершится без его участия, точно так же, как завершилась война с Польшей. А допустить такого Роммель не мог. Он даже не скрывал, что жаждет наград и повышений, что стремится сделать блестящую военную карьеру. В конце концов не зря же он еще в 1917 году, пребывая всего лишь в чине капитана, был удостоен за свои действия на Карпатском фронте ордена «Pour le Merite», которыми обычно награждали только генералов. Тогда он воспринял эту генеральскую награду как солдатское знамение, как видение маршальского жезла.

Странное дело: он воевал против французов, олицетворением воинской доблести которых был Бонапарт, но чем дольше длилась эта война, тем большим уважением он проникался к Бонапарту, тем более убежденным бонапартистом становился.

В те дни он почти вышел из-под подчинения не только штаба 15-го танкового корпуса, в который входила его дивизия, но и из подчинения штаба вермахта. И поскольку в штабе сухопутных войск уже никто толком не знал, где в то или иное время находится дивизия Роммеля и куда она направляется, то вскоре ее стали называть дивизией-призраком, причем несколько раз ее ошибочно причисляли к погибшим. Комдив умышленно не выходил на связь ни с командованием корпуса, ни даже со своим собственным штабом, чтобы не получать никаких приказов и действовать на свое усмотрение. Скорость и внезапность, поддержанные огнем, броней и гусеницами, – вот то, что позволяло ему творить во Франции чудеса.

Ну а по-настоящему генерал Роммель со своими танкистами прославился в битве под Аррасом. Когда дивизия приблизилась к этому городу с юга, англичане и французы уже успели

основательно проредить германскую пехоту и уничтожили почти все противотанковые орудия. Решив, что опасаться истребителей танков им уже нечего, англичане бросили против потрепанной роммелевской дивизии два своих танковых полка, что-то порядка семидесяти машин. Поняв, что танковые батальоны англосаксов сейчас сомнут всю оборону и, при поддержке пехоты, истребят все имеющиеся там германские силы, Роммель сделал то, до чего ранее не додумался ни один генерал.

В его распоряжении было всего несколько 88-миллиметровых орудий «Флак». Орудия эти были зенитными, а в небе вовсю орудовала вражеская авиация. Однако Роммель отдавал себе отчет в том, что если не остановить английские крейсерские танки, то прикрывать этими зенитками уже будет нечего. И тогда он приказал окопать зенитные орудия позади своих танковых порядков и открыть огонь по атакующему противнику.

Англичане, уверовавшие, что противотанковой артиллерии у германцев не осталось, так до конца и не поняли, что же произошло: откуда такой темп ведения огня и такая кучность попадания снарядов? Все открылось после того, как несколько десятков их танков было сожжено или подбито, а остальные с поля боя бежали. Это была не просто победа в бою, это уже была военная классика, которая со временем вошла во все пособия и для танкистов, и для зенитчиков. Кстати, недавно такую же тактику ведения боя Роммель применил и здесь, в Африке, приказав врыть зенитные орудия в дюны, а сверху прикрыть их маскировочными сетями.

Оказавшись перед грядой каких-то странных дюн, англичане попали на песчанной равнине под смертоносный огонь зениток, уже прозванных к тому времени убийцами танков. Эффект оказался еще более разительным, нежели под Аррасом. И что самое странное – учениками оказались все те же нерадивые и ничему не научившиеся англичане.

– Господин фельдмаршал, – услышал он в трубке голос дежурного офицера связи, – вам срочная шифрограмма из Берлина, из штаба Верховного командования Вооруженными силами, за подписью начальника штаба Кейтеля.

– Что там еще? – с хрипотцой в голосе прорычал командир корпуса. – Неужели там все еще помнят, что по африканским пустыням бродит со своими оборванцами некий фельдмаршал Роммель?

– Работают шифровальщики, господин фельдмаршал, – услышал офицер связи только то, что ему положено было слышать. – Через десять минут я вручу вам текст радиогаммы.

Он действительно появился через десять минут, а вручая радиогамму, поздравил фельдмаршала с повышением в должности.

– Каким еще, к дьяволу, повышением? – удивился Роммель. Но офицер связи был прав. В радиогамме говорилось о том, что ему приказано принять командование группой армий «Африка», в которую вошли все имевшиеся в Северной Африке германские части. Вернее, все то, что от этих частей осталось.

Офицер уже попросил разрешения уйти, однако фельдмаршал резким тоном приказал ему подождать и карандашом, прямо на приказе Кейтеля, размашисто начертил: «Принимать командование группой армий “Африка” отказываюсь, в связи с тем что сформировать данную боеспособную группу из тех сил, которые имеются сейчас в Африке, невозможно. Командующий Африканского корпуса фельдмаршал Роммель»²¹.

– Идите и немедленно передайте в штаб Верховного командования, с меня этого африканского ада достаточно.

– Вы отказываетесь выполнить такой... прекрасный приказ, господин фельдмаршал? – даже сквозь африканский загар проступила бледность на лице майора.

²¹ Исторический факт. 22 февраля 1942 года Роммель был назначен командующим группой армий «Африка». Однако на следующий день поступил приказ Гитлера, и Роммель вынужден был подчиниться.

– Из этого еще не следует, что вы имеете право не выполнить мой приказ, любезнейший. Кругом! Шагом марш!

Оставшись наедине, Роммель в порыве отчаяния влил в себя оставшиеся полбутылки вина и, не почувствовав ни опьянения, ни хотя бы утоления жажды, вновь откинулся на спинку кресла. Уже пребывая в позе крайне истощенного человека, фельдмаршал нащупал кобуру с пистолетом и, достав из нее свой именной «вальтер», выложил его на стол перед собой.

Минут пятнадцать он просидел в каком-то полузабытьи, ничего не ощущая, ни о чем не думая и почти ничего из того, что происходило сейчас вокруг него в реальной жизни, не осознавая. Это было прощание с жизнью, в которой он, как вечный солдат, как полководец, сделал все возможное, чтобы мир этот стал еще более ожесточенным, еще более кровавым и страшным, нежели он был до него.

«Так, может, действительно застрелиться? – спросил он то ли самого себя, то ли лежащий перед ним «вальтер». – И каков в этом смысл? Хочешь, чтобы сволочные медики констатировали, что ты пустил себе пулю в лоб в состоянии сильного опьянения? Как и Наполеон, ты прибыл в Африку, по существу, из Франции. Однако он ушел отсюда хотя и разбитым, но непобежденным. Ушел, чтобы стать императором. А тебя даже переправлять в Германию не станут, а зароят где-нибудь посреди Ливийской пустыни, как труса и предателя. Так стоило ли ради такого бесславного конца проходить такой славный и мужественный путь?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.